

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Акатава Ибис

Цивилизованное Общество

Акатава Ибис

Цивилизованное общество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41973518

SelfPub; 2019

Аннотация

Что такое жизнь? Это череда одинаковых дней, время от рождения до смерти. Если жизнь – это время, то зачем оно нам дано? Что такое общество? И если оно есть, то может ли жить или только существовать в нем любовь? На обложке фотография автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Он	4
Глава 1	4
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Часть 1. Он

Глава 1

Я шёл по улице одним весенним днем, была середина марта – того самого месяца, когда погода шутит над людьми: на солнце жарко в шапках и шарфах, а в тени пробирает холод до косточек, – а точнее, 16 марта.

Я шёл и думал, как прекрасна сегодня погода, как прекрасен мир вокруг меня. Нет, я отнюдь не романтик. Небо над моей головой было кристально чистым, и этакая голубизна так и излучалась на нас, прохожих, солнце сияло мягким лучом в глаза, а голые ветки деревьев, еще не одевшиеся в зелень и не имеющие завязей, тёмными изящными линиями выделялись на этом фоне.

Снег сошёл с земли и обнажил её, черную, в прошлогодних, еще мокрых бурых листьях и траве. Одним словом, погода сопутствовала хорошему настроению; в принципе, настроение на тот период времени у меня было спокойным и даже, можно сказать, позитивным.

И вот из ворот больницы вышли две особы. Одна из них была молодой, на мой взгляд, не больше 19–20 лет, я не успел разглядеть её лицо подробнее, так как они пошли по той же дороге, что и я, и в том же направлении.

На ней была странная шапочка с лисьими ушками, из чего я в принципе и сделал вывод, что она молода, даже могу сказать, что юна. Сиреневая куртка, что доходила ей чуть ниже бедер, разноцветные штаны и коричневые полусапожки – вот и все, что я видел, следуя за ними; на спине рюкзак с совами, что хаотично шли по синему фону, да и сами совы были разного калибра и цвета.

Вторая особа была ниже первой ростом и одета в более приглушенные тона, что могло соответствовать тому, что она старше первой, а следовательно, первая может быть её дочерью или, например, она её сестра или коллега по работе.

Всё бы ничего, и я, может, даже обогнал бы их и пошёл дальше по другой дороге – в том месте, где мы проходили, дорога расходилась на две, образуя одну асфальтированную, где мы до сих пор шли, и другую – земляную, которую протоптали в принципе мне неясно зачем. Когда до меня донеслись обрывки речи молодой особы, она, сама не замечая, повысила голос, размахивала руками, голос её был эмоционален, но не резал слух писком или щебетанием.

Мне понравился тембр её голоса, это как когда нравится тембр голоса, поющего песню, даже если сама песня лишена какого-либо смысла или не нравятся слова, но голос...

– ..в цивилизованном мире, – донеслось до моих ушей. – Мы всё такие же дикари, там, в душе, – говорила девушка. – Построив квартиры, вставив в оконные проёмы стёкла, нацепив одежду, порой стоящую больше, чем моя зарплата, всего

лишь потому, что это бренд, а смотреть на него невозможно без слёз, и так далее, мы решили, что построили мир и цивилизацию. А вот ни фиги!

Мне стало интересно, что же она скажет дальше, и я невольно замедлил шаг, наострив уши, стал вслушиваться в её речь.

Её спутница хранила молчание, давая ей выговориться.

– И я могу доказать, что мы всего лишь иллюзия цивилизации. Вот скажи мне, – обратилась она к спутнице, – на какой чёрт муж едет в ночной клуб? А я скажу зачем – потому что его животный инстинкт туда ведёт. Видите ли, жена, например, сидит больная дома, и вместо того, чтоб лететь к ней со всех пяток, он едет развешаться, или, может, она после родов поправилась, стала носить не 48-й размер, а 50-й, конечно, жена толстая, некрасивая, ещё и ребенок вякает, между прочим, его ребенок. Но нет, ему это все надоело, нужно разнообразие.

Или же просто он женился на ней, потому что она богатая, ну, может, и не так плоха собой, но хранить ей верность – он и в голове мысли такой не держит, потому что не то что не любит супругу – она ему безразлична. Ему всё равно, что она знает, что он изменяет, а может, и она ему тоже... Ну, не суть. Просто всё это так глупо, гадко, мерзко. Мы никому не нужны в этом мире, даже иногда себе самим. – Тут она вздохнула, переводя дыхание.

– Да, он, прав, я соглашусь с его словами, – продолжи-

ла девушка, говоря о ком-то ещё, – что зачем мы рождаемся. Да, мы рождаемся, сначала треплем нервы своим родителям, когда совсем мелкие, орём, потому что хотим жрать или потому что описались. Затем детский сад, там знакомимся с людьми, и опять же не всё так гладко, потом школа, после, может, училище или даже институт, потом работа, и всё! Мы впрягаемся как мулы в работу и зарабатываем деньги. У, убила бы этого человека, кто придумал это слово – «деньги»! – в сердцах сказала она. – Но, с другой стороны, придумали б другое слово, означающее то же самое, – уже более спокойно сказала она. – Да, мы не нужны, когда болеем, когда у нас депрессия или когда мы что-то не умеем, всем лень нас учить, мы нужны только тогда, когда мы полезны, вот и всё. И это мы называем «мы построили цивилизованный мир». – Она усмехнулась. Я не видел её лица, но представил, как её губы изогнулись в полуулыбке. Мне почему-то казалось, что она должна быть красивой девушкой.

Хотя для каждого человека «красивая», «красивый» имеет разное значение. Также я прекрасно знал, что сейчас глаза её наверняка лихорадочно блестят, хотя я не знаю, какого они цвета у неё, но это и не было важно, так же как и то, какого цвета её волосы и какого – кожа: бледная, смуглая, розоватая, белоснежная.

– Я не буду менять этот мир в одиночку, – продолжила она, и тут я услышал голос её спутницы.

– И не надо. Ты создавай тот мир вокруг себя, который

тебе нужен, и все, кто будет попадать в твоё окружение, либо примут его, либо пусть уходят.

— Это да... — протянула девушка. — Вот он говорит, — опять начала она неизвестно про кого, — что ему не нравятся праздники, подарки и всё такое. Да я в принципе не против, не нравятся — не буду, конечно, для меня это сложно — не дарить подарки, а в первую очередь — не покупать их. Я люблю праздники, наряжаться на них, одеваться, да, ну и пусть всё это просто разноцветные тряпки, побрякушки и прочее. Но я устраиваю себе праздник, даже когда мне этого не хочется, я улыбаюсь, и всё, потому что если только работать, и всё, то и вправду жизнь пуста и бессмысленна, с его позиции. — Она замолчала, затем вновь заговорила. Мы уже подходили к метро, и мне не хотелось, чтоб она не ушла, не досказав того, что начала говорить.

Меня поражало не то, что она говорит: она очень походила на меня в её возрасте, конечно, сейчас я не настолько стар, чтоб говорить такое, и всё же она чем-то напоминала мне меня самого. Может, этими её пылкими речами, правдивыми речами, но только зачем и кому нужна её правда? Её половина знает и не осознаёт, а если и осознаёт, то менять ничего не будет. Им удобно так, они приспособились к этому миру, этому обществу, научились в нём жить, и некоторые даже довольно неплохо живут и отдыхают, другие же её не видят, не слышат и не осознают.

Меня поразило то, что она в свои, может, от силы 20 лет

задумывается о таких вещах. Мне жалко её, потому что она зря тратит силы на слова, но если б были только слова – она же ещё и эмоционалирует при этом, как лампочка, только слепой не увидит и не почувствует, как эти волны идут от её стройной фигуры.

Её поколение, даже можно сказать, мое поколение, мне самому всего 22, не задумывается о таких вещах, о которых так красноречиво, эмоционально и правдиво говорила эта особа. Я знаю, чего хотят сверстники моего круга, чего хотят люди чуть постарше меня, в большинстве случаев все сводится к одному – к деньгам. Итак, что же она говорила дальше?

– Я не утверждаю, что все люди плохие и всё такое, – продолжила она. – Но всё же они это делают ради денег, увы. Все сводится почему-то опять к ним. Даже вот, например, я ходила на этот мультик – да он просто улёт, очень хороший, интересный. А ведь его делали взрослые люди, рисовали героев, подбирали голоса для озвучки, песни и прочее, они это делали с любовью, но опять же – тот, кто всё это заварил, то есть режиссёр, он знал, что это понравится публике, детям, их родителям, он знал, что это будет фурор и он получит деньги за свой труд. Безусловно, любой труд должен оплачиваться, но в нашем веке действует иное правило: работать и делать ради денег, а не ради того, чтоб кого-то осчастливить. Опять же я не говорю, что так живут все. Вот даже я, – махнула она рукой, и я увидел, что её ладонь в перчатке, хотя на улице было довольно жарко, ну, по крайней мере для меня,

и я шел без перчаток, — делаю подарки не для того, чтоб похвалиться кому-либо, а потому что мне так захотелось.

— Всё, что я ему дарила, — говорила она уже глуше, или это шум дороги заглушал её голос, — от души, неважно, сколько я потрачу на это сил, времени и денег, я это делала от души, но ему, видно, этого было мало, хотя не так, ему это не особо нужно было. Самый ценный подарок в наше время — денежный, чем больше и круглее сумма, тем лучше, — и она хмыкнула. — А вообще с чего я начала это всё тут говорить? — спросила она у попутчицы и рассмеялась. — Я уже и не помню. — Её смех не был наигранным, он был немного приглушённый, но в нём проскальзывали и высокие нотки.

— С любви, — ответила её собеседница.

— Ах, ну да, любовь, — согласилась та. — Она губит людей.

Они дошли до метро, я отстал от них. Я наблюдал за тем, как они спускаются по лестнице вниз, в метрополитен, а сам думал о том, как удивительно странно можно услышать от совсем незнакомого тебе человека, человека, лица которого ты даже не видишь, свои же мысли спустя всего каких-то пару лет.

Мне стало интересно, что же она будет думать, когда ей будет столько же, сколько и мне сейчас. Хотя в свои 22 года я был стар.

Нет, внешне я был молод, точнее мое лицо, тело, красивые, даже можно сказать, но вот внутри... Я как срубленный дуб, который доживает свой век в качестве пня, может, я да-

же иногда цвету, как тот самый пенёк, «цветущий пенёк», но из этих молоденьких веточек никогда ни одна не вырастет в настоящее полноценное дерево, потому что пенёк не может являться основой для дерева со своей корневой системой, потому что я своими корнями твердо вгрызся в землю и питаюсь из неё, а эти веточки, что иногда пробиваются на пне, питаются за счёт пня.

Почему я стал таким? Это уже неважно, я доживаю свое время в спокойствии и редких вспышках цветения. Мечтал ли я когда-либо о другом мире, мире, где мне будет удобно и хорошо? Я был молод, неопытен, одинок и добр. Что осталось? Я молод, я вспышками добр, я научился ценить уединение, одиночество, я мудр и почти не ошибаюсь в людях.

Постояв ещё так немного около спуска в метрополитен, а затем вздохнув глубоко, я отправился домой, туда, откуда пришёл. Я по профессии техник, работаю в морге, мне приносят и биопсию, и трупный материал, и не очень мёртвый – это когда человек на грани: ещё вроде и дышит, и сердце стучит, но уже не выкарабкается.... Так что погодка сегодня и вправду удалась, самая что ни на есть мартовская, капризная, изменчивая, как и все люди на Земле, кроме младенцев и тех, кто на смертном одре.

И всё же я не согласен с той юной особой. Да, люди живут, работают ради денег, но те всё же не являются всецело смыслом для жизни. Да и притом, раз уж пошла речь о деньгах, она-то тоже работает, и работает не за просто так, наверняка

ей бы хотелось получать больше денег.

Не надо прикрываться благородством и высокими моральными принципами, в этом нет ничего позорного, если человеку хочется иметь больше денег, а значит, и больше возможностей – отдыха на море, новую квартиру или ремонт в старой, лучше питаться, а не маркой «Красная цена» или «Каждый день», нет, может, это не совсем гадость, но сколько там «Е», а они, говорят, вредят здоровью, хотя в моем случае мне волноваться о смерти даже смешно. Так что мне стало очень любопытно, что б она ответила, если бы её спросили, например, даже я сам, лично.

Но к чему все это? Я, молодой снаружи и старый внутри, смотрю на этот увядающий мир, я понимаю, что всё, что я могу делать, – это жить и не мешать жить другим, не документировать своими чувствами, мыслями, словами, действиями.

Да, я также работаю, но сейчас я в отпуске, который, кстати говоря, подходит к концу, вообще не знаю, на кой ляд меня дернуло взять отпуск на две недели в марте, когда толком ещё в лесу не просохла почва, там не погуляешь... А, неважно, взял и взял, всё равно через два дня на работу.

Да, она права в том, что мы нужны на работе, когда здоровы, когда не берём больничные или когда женщина не уходит в декрет, а так мы не нужны этой работе. Но нужны опытные специалисты, которые всё умеют, в 20 лет, со стажем в 30 лет, это смешно и грустно. Я не могу сказать, что я профи в изготовлении срезов из того, что мне приносят, но мне нра-

вится то, что я делаю. Может, со временем, как все говорят, работа надоест, может, и так, одно и то же пять дней в неделю и по 20–30 раз в день, конечно, надоест, но я не думаю об этом. Зачем думать о том, чего ещё не произошло?

Мне не хочется возвращаться домой, потому что там меня никто не ждет. Я думал, что я смогу жить так – один, одиночкой, свободный от родителей, девушки, да вообще от кого-либо, лёгкие связи и прочее, но не смог. Не смог завязывать отношения с девушками только ради секса. Как ни при-
скорбно соглашаться, но моя «знакомая» была права в этом плане – это не приносит удовлетворения в полной мере.

В физическом плане мне хорошо, раньше моральный и душевный аспект меня не сильно трогал. Я не равнялся на других, что, мол, все так делают, у меня всегда была своя голова на плечах и свое мнение на этот и какой-либо другой счёт. И всё же она была права. На удивление, а может, я её недооценил? Или совпадение? А к чему теперь гадать, мы теперь по разным углам на этой планете, в этом городе, в этом мире.

Когда в следующие пять минут после секса я открываю глаза, поворачиваю голову и вижу ту, с которой только что трахался – другого слова не подберёшь, и оно не будет верным, потому что занятия любовью – это совсем не то, чем занимался я последние четыре года своей половой жизни, – всё внутри сжимается и начинается тошнота.

Не потому что девушка страшная, или некрасивая, или

ещё что-то, становится тошно оттого, что я уложил её в кровать, а она согласилась, потому что ей не нужны серьёзные отношения, ей не нужен я – то, что я могу дать материально, морально, душевно. Я не знаю, зачем вёл такую жизнь, я подумывал о постоянной партнёрше, но чёрт меня побери, как я низко мыслю – постоянная девушка для развлечения. Я не помню, когда это произошло, когда произошло то, кем я стал, как я стал таким. Таким грязным. Таким, как все?

Мне хочется кого-то любить, но любить не только телом, но и душой, сердцем. Я даже пытался влюбиться, но не смог, моя чрезмерная холодность убивает не только тех, кому я когда-то был дорог, и та девушка, моя «знакомая», хотя для меня она лежит на непонятной полке в моем списке людей, я не знаю, кто она для меня, не знаю не потому, что запутан в чувствах, хотя и в этом я последнее время уже не уверен, а потому, что она немного отличается от других.

И я говорю не про внешность, хотя она очень красива – только я об этом ей не скажу, а то подумает неизвестно что, – а про её поступки. Если честно, я немного скучаю по ней, по вот этому её характеру, она, с одной стороны, писеменя, а с другой – ураган, ещё и пламенный притом, я вообще не понимаю, как в ней помещается так много эмоций. Я с научной точки зрения списал это на неустойчивость её настроения, хотя все девушки неустойчивы в плане настроения. Только у одних это не сильно проявляется, а у других резкие контрасты. Хотя при чём тут научная точка, если я её убрал от себя,

и, хотя я никогда ни о чем не сожалею, мне не хватает её... Но почему? Почему её, а не кого-то ещё?

Она дарила мне всё, что придет в её голову, на праздники, на мои дни рождения, я это не то чтоб не ценил, но говорил ей, что мне этого не нужно, она расстраивалась, а я не мог видеть, как тускнеет её взгляд и как она обижена, но пытается не показывать мне этого, смотрит на меня, и забирал подарки. И как в ту же секунду менялось всё её лицо, глаза сияли, и в них бегали хитрые бесенята, как губы приоткрывались в улыбке, обнажая передние зубы, как приподнимался слегка подбородок и вылетал чуть слышный звук радости.

Но когда у неё было плохое настроение, то у! Всё, лучше с ней не говорить, так язвит, колется как ежиха и шипит как уж. Наверно, вся её прелесть и удивительность в том, что она всегда нараспашку, хотя никто не знает, что у неё в голове, но все её чувства, по крайней мере мне и когда она со мной, мне ясны, за исключением некоторых, которые она искусно скрывает или которых я в силу своей слепоты не видел.

Она настоящая с теми, кому доверяет, а мне она доверяла, я знал это, знал и не хотел, чтоб она привязывалась ко мне, чтоб доверилась мне вся, — я не говорю, чтоб она мне не доверяла, но она хотела, чтоб и я доверился ей, а я не мог. Я себе-то не доверял, а ей...

Естественно, она обижалась на меня, в итоге мы часто ссорились, и из-за этого, и не только, ещё из-за моей холодности, её глупых, как она сама говорила, а я никогда не гово-

рил, фантазий и надежд. И я знаю, каких надежд – надежд, что я её полюблю, что буду рядом. Хотя, как она всегда говорила, ей нужен, друг, верный, настоящий друг. А с другой стороны, разве друг не может быть любимым, быть братом, мужем, просто другом?

Есть категория «просто друг», и не больше, а есть друг как муж, как брат, как человек, как друг. Вот это и есть тот человек, с которым стоит жить всю свою жизнь до самого конца. Вот за каких людей надо выходить замуж или на каких жениться, они универсальны, потому что могут быть для тебя всеми этими людьми и при этом понимать тебя. Вот чего нет в этом мире – понимания.

Нет понимания в семье, в дружбе, в отношениях, в браке, нет понимания, нет доверия, нет привязанности, нет ничего. У нас с ней и со многими другими моими знакомыми не было полного понимания, а точнее, кто-то из нас не хотел понимать другого, слышать другого и услышать, что важно.

Да, о чем же это я? Как я могу говорить о людях как об универсальных вещах, я совсем уже... Лишь становясь взрослее, мы начинаем понимать, что раньше было не так уж и плохо. Разве она делала что-то плохое для меня? Ну, вообще-то делала: например, нервы мне трепала своими скандалами на те темы, о которых я говорил, но разве другие знакомые не трепали мне нервы, подчас, может, на более болезненные и неприятные темы, чем она?

Да, она эгоистка, а я разве нет? Я хотел, чтоб одна девуш-

ка, которая очень похожа на меня характером, столь же сдержанна, умна, хороша собой, была мне подругой, мне даже казалось, что я был влюблен в неё. Но она отказала мне, и я смог принять отказ, я современен, те чувства, что я питал к ней, поутихли, и мы остались хорошими друзьями. Но моя особа слишком буйная, а может, её чувства и вправду не такие поверхностные, как были у меня. Или, может, это я такой герой, что смог перебороть симпатию...

Вот оно, ключевое слово – симпатия к той, что мне была по вкусу. Значит, она мне только нравилась, нравился её характер, и то, что она не такая огнеопасная и переменчивая, как та.

И вновь я ввожу себя в сомнения, и опять из-за неё. Она не поддаётся моему логическому мышлению, она всегда поступает так, как от неё не ждешь, нет, я жду, что она позволит, например, или напишет, а она берёт и приезжает ко мне домой, перепугав при этом мою мать и удивив меня тем, что она полтора часа ехала, только чтоб вручить мне подарок, который я имел наглость не взять сначала, но потом всё же не смог её расстроить и взял, хотя он мне не был нужен – тогда я так думал.

Сейчас, глядя на то, что она мне дарила и что делала своими руками, я вспоминаю всё это с лёгкой грустью и тоской. Тоска не заполняет меня, но и не уходит, ведь разве не этого я так хотел – чтоб она отстала от меня с этими её подарками, скандалами и прочим? И вот теперь я совсем один, меня не

достаёт ни она, ни кто-либо ещё. Они не пишут мне, если пишут, то те знакомые, с кем я общаюсь в Сети, и редко, а я и не расстраиваюсь. Не знаю, что со мной, но я всё чаще задумываюсь над тем, что я выбрал не совсем верный путь.

Путь одиночки – это неплохо, но когда и вправду некому излить душу... Нет, есть та девушка, которая мне нравилась, и теперь мы просто хорошие друзья, но она не любит, когда лезут в её личную жизнь, так же как когда ей жалуются на свою, она может выслушать и посоветовать, но мне так нужно тепло, тепло, что я не могу получить, переписываясь с ней там, в Сети. А может, это я стал таким мягким? Хотя с чего это?

Я не заметил, как прошёл свой дом и всё дальше уходил от жилых построек. У нас там недалеко был пустырь, где ничего не растёт, но и ничего не строят, на удивление даже, чтоб в наше время какой-то бесхозный участок земли не был под что-то куплен или застроен – прям диво. Я решил, так и быть, дойти до него и посидеть на чём-нибудь там в тишине и одиночестве, будто мне его не хватало и без того.

Итак, я шёл и думал. Я мысленно перечислял всех своих знакомых, даже тех, кого считал друзьями, и понимал, что одни не годятся на роль человека, которому можно излить душу и быть уверенным, что не проболтаются кому-либо ещё, или потом этим воспользуются против тебя же самого, другим будет слишком тяжело слушать мою ветвистую, наполненную аллегориями и метафорами речь, чтоб посо-

чувствовать мне или посоветовать что-либо дельное, или же, как та девушка, похожая на меня, они будут слишком сдержанными в чувствах и холодными на эмоции.

Но нет, я не пришёл к логическому выводу, что именно та моя бурная особа и есть тот человек, что и согреет меня, и поймёт, и посоветует. Нет. Хотя она могла бы стать этим человеком, но я – да, я боялся. Не знаю чего.

Или я не хотел вспоминать, что однажды, когда мы с ней ещё общались и гуляли в парке, нам попался военный, идущий домой. Я с ним разговорился, она молчала, глядя на нас своими большими глазами (они у неё и вправду большие от природы), и он в процессе беседы сказал: «Хорошая девушка, мне кажется, она будет твоей женой». Я замялся, а она, слегка покраснев и улыбнувшись, молчала. Может, он и был прав, только характерами не сошлись... Или не захотели сходиться...

И дело вовсе было не в том, что она бы не согласилась на половую близость, и я пойму её, потому что воспитана она иначе и мыслит она, как кажется, старомодно, но правильно. Как она заявила, если уж любить и отдаваться человеку, так целиком, и душой, и сердцем, а телом отдаются только из-за страсти или физической нужды. Всегда резкая и правдивая на слова, она не стеснялась такое говорить, хотя другие б на её месте зарделись, говоря вслух, что они трахаются из-за физической нужды, но другие и делают это из-за нужды, в принципе я тоже это делал...

И она права, я понял это, я понял, что она говорила тогда. Да, я отдаюсь нужде, но я опустошен внутри, в душе, я не заполняюсь своей партнёршей, потому что она так же холодна и бесчувственна душой ко мне, как и я к ней. И с каких пор я начал так много философствовать?

Я дошёл до пустыря и, идя по его тёмной безжизненной земле, я вдруг понял, что и я, как этот пустырь, чернею, и эта чернота вовсе не чернозём, который плодороден и на котором можно взрастить поля, деревья, кусты, траву, это чернота того, что я теряю, когда меня предают, обманывают, когда оскорбляют, когда я оскорбляю и унижаю в ответ.

И она разрастается всё больше и больше, заполняя меня, это даже не чёрная дыра, которая засасывает всё, что слабее её притяжения, это просто чернота, и это не бездонный колодец, в котором нет воды, — сколько ни копай, воды не будет. Это именно пустота, чёрная, не имеющая эмоций, слов и облика чернота.

Да, я молодец, да, я сам выбрался из депрессии, да, я вновь в неё не попал, я сам выбрался из одиночества и научился жить с ним. По сути, я не уходил от него, я научился жить с ним, заполняя промежутки времени сначала учёбой и работой, прогулками в одиночку и с одноклассниками, знакомыми, потом работой, прогулками, вот такими, как сейчас, я научился с ним жить; да, я молодец, что научился общаться с людьми, и общаться так, чтоб это было удобно и в какой-то степени выгодно для меня. Нет, я не корыстен и не общаюсь

только ради выгоды, но ведь любое общение должно приносить прибыль, и тут говорится не только о деньгах, есть ещё и моральный и духовный аспект.

Но при всём при этом я так и не нашёл человека, нужно-го мне. Я знаю, что я невыносим, поэтому ношу маски, все носят маски, так уж принято, да и кому, скажите, интересно видеть нас настоящими? Кому интересно знать, что ты параноик или скандалист, что ты трус или жадный до денег? Люди всегда скрывают свои недостатки, если им есть ради чего или кого. Я не являюсь исключением, для одних я плохой, для других средний, но на самом деле я не плохой и не хороший, никто не плохой, никто не хороший, все хороши по-своему.

А может, я и нашёл его, только захотел изменить его, подстроить под себя, чтоб мне было удобно, а он, этот человек, не захотел подстраиваться. И может, даже и не из вредности или упрямства, а потому, что он и так слишком много для меня делал, делал того, чего я не смог оценить, от чего отрекался, чего не хотел, потому что хотел другого, но вот чего? Я сам уже не знаю, чего я хотел, чего хочу.

День клонился к вечеру, так как моя одинокая фигура, сидящая на бревне на пустыре, постепенно вытягивалась в тени, что я отбрасывал на землю. А я всё рассуждал. Зачем я живу? Ведь жениться я не собираюсь, потому что характер у меня скверный, да и сам я немного псих. Вообще в наше время людей со здоровой психикой очень мало, только те,

кто спалился, сидят в дурке. По сути, только ненормальные люди что-то делают.

Например, нарциссы создают самые красивые вещи, которые, конечно, сами и наденут, а может, и продадут, и так далее. Здоровый человек почти ничего не создаёт, он апатичен и ленив. Хотя даже лень – наполовину двигатель прогресса, потому что канализацию и водопровод придумали же. И придумали не только из благородных целей, чтоб навозные мухи не шуршали во дворе, но и чтоб удобнее было справлять нужду не выходя из дома, особенно зимой или поздней осенью, ночью. Вот такие вот дела... Так что для женитьбы я непригоден как товар, не прохожу по параметрам.

Далее, так для чего же я живу? Чтоб выполнять свою работу в морге, делать срезы и получать в конце месяца деньги и молоко за вредность? Ну так если б меня не было, работал бы кто-нибудь ещё там и получал эти деньги и молоко. Незаменимых нет, особенно на работе, в наше время. Сейчас не ценят профессионалов, сейчас ценят коммуникабельность и умение вливаться в коллектив, но если ты накосячишь, то этот самый коллектив или начальник тебе замечательно по голове настучит или сразу уволит. Так что и здесь меня можно заменить.

Может тогда – для продления рода? Хм. Ну, это неплохая мысль, только для начала надо всё же жениться, потому что с этим у меня всё строго, я не хочу, чтоб мой ребёнок, если таковой будет, рос в неполноценной семье или был рождён

от случайной связи. Но так как жениться я не намерен, собственного ребёнка воспитывать я тоже не могу. И эта функция отпадает в моём пребывании в этом мире.

Я, конечно, мог бы усыновить ребёнка, но опять же одиноким мужчинам детей не дают, потому что прожиточный минимум и прочее. Другое дело опять же – были б деньги, то тогда бы, может, тебе и разрешили. Но что важно: а если я не смогу любить – хотя для меня это слово как-то чуждо – ребёнка? Я-то не уверен, что смог бы любить своих детей от своей жены, если б таковое было, а тут чужой... Ведь чужой – навсегда чужой. И дело даже не в том, что мне ребёнок не нравился бы – я б выбирал, чтобы нравился, душа лежала, – невозможно забыть, что он не твой, а у меня не такое чуткое сердце, что б я смог впустить в него живое существо. И тут облом мне.

Если так задуматься, то я везде не нужен и в какой-то степени бесполезен, но я не хочу об этом думать. Я давно это всё понял, всё решил, и вот я живу, а может, только существую, не совсем бесполезным, но и не совсем полезным для себя образом. Я полезен для общества, я работоспособен, от меня есть толк, а обществу это и надо: кто-то носки на фабрике шьёт, кто-то их в магазине продаёт, а кто-то их покупает. Все рады, все довольны, круговорот труда и денег запущен и работает.

Вот так вот мы и живём, крутимся – не как белки в колесе, это мы крутим огромное тяжёлое колесо, в которое сами

добровольно впрягаемся, и тащим его вверх, а колесо это называется экономика, не было б её, произошёл бы крах государства, не было б государства, не было бы общества, создающего это государство, не было б общества, были бы группировки, шайки, племена, не было б племен, жили бы поодиночке и дохли.

Но нет, последнего не произошло бы, потому что человеку от природы нужен другой человек, его общение, его поддержка, потому что вместе легче завалить кабана, ну а как его делить – тут уже вопрос совести и силы. А мне нужен другой человек, чтоб я не загнулся от того, что сидит во мне, от этих мыслей, рассуждений.

И да, мне нужен другой человек, но именно человек, а не существо, именуемое им. А вот вы знаете, чем лучше современного представителя человеческой расы был неандерталец или человек каменного века, если, конечно, историки не врут и такие были? Да тем, что он, может, и тупой был, как камень или пробка, и говорить не умел, и писать, и наготу прикрывал, если вообще её прикрывал, шкурами зверей, и инстинкту самосохранения подчинялся сильнее, чем разумной мысли, и боялся много чего, особенно того, чего не понимал, но он никогда бы не кинул соплеменника на растерзание хищнику и не продал бы его за кусок получше. И может, не потому, что он благородство проявлял, а потому, что понимал или инстинктивно ощущал, что без него пропадёт.

Сейчас же всем друг без друга хорошо. Детям без родите-

лей, а то они ж пилят, учиться заставляют, чтоб легче, как они говорят, в жизни мог устроиться. Парням с девушками, потому что серьёзные отношения сейчас всем в тягость, это ж надо верность хранить, звонить или хотя бы эсэмэс кидать, цветы покупать, конфеты – и ради чего? Чтоб плавно уломать на секс.

Конечно, есть среди парней и порядочные, или почти порядочные, например как я; я никогда не принуждал девушек спать со мной, они чаще всего сами были не прочь, ну и, если и я был не против, то всё складывалось не так уж плохо – до того момента, пока я не понял то, о чём говорил выше.

Мужу без жены тогда вопрос: зачем женился? Или почему не развёлся? А всё потому, что женятся без чувств, или из-за страсти, что проходит так же быстро, как и три месяца лета, или из-за залёта, потому что не предохранялись, и так далее. О, я, кажется, цитирую ту юную особу, что повстречал сегодня.

Может, со стороны я и холодный и бесчувственный, но я по крайней мере никогда не говорил того, чего не чувствую, а если мои чувства и проявляются, то я проявляю их в поступках, в делах, в конце концов, в моем прощении тех недостатков, что есть у всех.

Я не оправдываюсь и не обеляю себя, я таков, каков есть: да, холодный, слишком рациональный, скуп на слова, на объятия, на страсть. Но если когда-нибудь произойдёт так, что я всё же влюблюсь, и на всю жизнь, то я отдамся той одной,

всецело, и телом и душой, и со своими пороками и недостатками, которые, я, конечно, буду скрывать, со своими достоинствами, которые, надеюсь, она сможет разглядеть и приумножить, может, не страстно и не бурно, хотя я сам не знаю.

Было у меня как-то давно такое, что я был влюблён в девушку, нет, не в ту, что спокойна и похожа на меня складом ума и характером, а в другую, я тогда отдавался ей целиком и полностью, но потом у нас не срослось, в общем, она ушла к другому, а я понял, что никогда её не любил. Я был молод, во мне бушевали гормоны и страсти, так что я спутал банальную влюблённость, смешанную со страстью и зовом плоти, с чем-то высоким, хотя я не считаю любовь таким высоким, чтоб о ней так сильно убиваться, если её нет.

Что такое любовь на химическом уровне организма? Это биохимические процессы, происходящие в клетках за счёт импульсов, посылаемых ЦНС через синапсы к клеткам-мишени, по которым все эти гормоны, что выделяются попутно в кровь, и шарашат, вызывая возбуждение, затмение разума, прилив крови к щекам, и не только к ним, и так далее – но нет, люди упорно говорят, что это любовь.

Ага, конечно, может, тогда любовь – это и то, что у парня встал на красивую мимо проходящую девушку, и всё из-за того, что у неё лицо миловидное и фигурка стройная, – а если ещё и одежда соответствующая, оголяющая большую часть её тела, то однозначно любовь. О да, я утрирую. Не знаю отчего, но воспоминания о той девушке, с которой я

перепутал страсть и любовь, вызвали у меня шквал отрицания себя.

Солнце опустилось уже совсем низко, и стало как-то неудобно, подул ветер. Я встал и побрёл по пустырю, он был не очень большим, где-то метров 200–300 в ширину, в длину, может, 500–600. Может, поэтому его никто и не выкупал из фирм и предприятий, потому что невыгодный, ничего не построишь, ни дом, ни фабрику, ни даже мойку или заправочную. Так же бывает и с людьми – не пришей рукав, всё у них из вон рук плохо, никуда не годятся: ни в гуманитарные, ни в точные науки. И что же с такими людьми делать?

И что же мы имеем на сегодняшний день, продолжил я свои рассуждения, – работу, дом, знакомых, себя. И всё, удивился я. Да, и всё. Какова моя цель пребывания в этом мире, здесь? По сути, я полезен обществу, но бесполезен себе. Нужен ли я кому-то на этой земле? Неужели себе?

Всё это звучало как слова Пьеро из дешёвой мелодрамы, хотя я никогда пессимистом не был. Я относил себя к флегматикам. Сложно жить, имея шизу в голове. Я иногда завидую тем, кто не задаётся вопросом, зачем мы здесь. Кто чисто тупо работает ради денег, еды, ради того чтоб набить пузо, ради того чтоб спать, ходить в клубы, ради развлечения и расслабона после тяжёлого трудового дня, и ничем не интересуется, но при этом не страдает ни от одиночества, ни от ожирения, ни от чего-либо ещё.

Всё же этот мир не так ужасен. Мне нравится в нём при-

рода, а ещё трупы, потому что по ним интересно изучать анатомию, как человека, так и животного, мне нравятся кости, потому что у каждого животного они по-разному сложены, хотя и отвечают за одну и ту же функцию.

Пока я медленным шагом обходил пустырь, солнце скрылось за горизонтом, на небе ещё не зажглись звёзды, а может, и зажглись, но вот фонари и светящиеся окна домов уже засверкали позади меня.

Я стоял спиной к жилым домам и смотрел вдаль, туда, где заканчивается пустырь и начинается дорога. По этой дороге редко ездят как машины, так и велосипедисты, она ведёт в заброшенную деревню, дома которой решили снести и построить ещё один жилой дом, многоэтажный, конечно. Естественно, жители домов были против, но их всё равно переселили в многоэтажку, так что...

Домой совсем не хотелось возвращаться. Вновь пришла эта мысль, что меня там никто не ждёт. С тех пор как я переехал от родителей в свою однокомнатную квартиру на пятом этаже 14-этажного дома, притом ещё и угловую, но с балкончиком, что очень странно, но вот такой дом построили, я всё чаще пытаюсь не возвращаться туда. То на работе заночую, благо не выгоняют, поесть всегда найдётся и поспать есть где, старый диванчик в комнатке для персонала. То вот так вот гуляю по улочкам, стремясь уйти от людей, могу бродить до глубокой ночи, а то вообще всю ночь, думая о чём-то своём или вспоминая что-то, что давно было, да прошло.

Так что я ещё больше убедился в том, что жениться мне противопоказано, я только жену мучить буду. Разве нормальная женщина поймёт, что её муж ночует не дома, а на работе не потому, что ему жена не в милость или дом, а потому что ему нужно подумать, ему нужно уединение?

Нет, не поймёт, отвечал я на свой вопрос, не поймёт и того, что муж может днями невесть где пропадать, а потом вернуться домой как ни в чем не бывало, но при этом не изменять ей с любовницей или не загулять с мужиками под пьяную дуду. И даже если скажет, что верит, всё равно будет обижена, обижена на то, что не к ней пришёл и не с ней поделился тем, что мучает, а ушёл в себя и от неё в нелюдимый край.

Но разве не говорил я себе, что человек, который мне нужен рядом, не должен быть обязательно женой? Может это быть и друг, но друг настоящий, а не на словах, который поймёт и посоветует? Но друг всё равно может не понять, при этом у него могут быть семья и дети, а если не семья, то по крайней мере личная жизнь, в которой может не оказаться места для тебя, точнее не места, а времени на тебя, скажем так, в 12 часов ночи, когда тобой вдруг овладеет неясная мысль или беспокойство, когда, лёжа в кровати один, ты будешь уже три часа как не спать, думать какую-то мысль и, так в итоге не решив её, потому что решение будет ускользать от тебя, позвонишь другу, а он не ответит, потому что телефон на вибрации стоит, или ответит его жена, не разобравшись,

приняв тебя за любовницу, или он вообще может послать тебя, если ты жив и нигде не умираешь к чертям собачьим.

Да, такому человеку, как я, нет места среди этих людей. Хотя, если разобраться, по сути, по отдельности никому нет места здесь, всем чего-то не хватает или что-то не нравится, но...

Разве не вы, люди, создали для себя такой мир? Такое общество? Эти порядки? Поставили в жизни главным развлечением и деньги на эти развлечения, а, ну ещё власть и статус, и чем он выше, тем лучше, больше уважения. Но ведь уважать надо за что-то.

Неужели во времена Шекспира или Ньютона, когда человечество развивалось, писало такие вот произведения, слагало такие законы, делало открытия, люди так же стремились к власти и деньгам, а может, и к славе? Не может же быть так, что Ньютон открывал свои законы только ради славы, а не ради того, чтоб понять закон притяжения земли?

А сейчас что, учёные ищут лекарства от СПИДа или гепатита только ради нобелевской премии или гонорара? А ведь двоякий вопрос, не так ли? Ведь чтоб лаборатория была оснащена хорошим оборудованием и чтоб в ней можно было работать, необходимы деньги, значит, нужны спонсоры. А какой человек, будь он даже миллиардером, будет вкладывать свои средства в неприбыльное дело? Только ради благородства и спасения миллионов от такой болячки?

Увы, я не верю в благородство людей. Может, раньше, до

нас, до нашего века, ещё были рыцари – хотя постоите. Рыцари – те же крестоносцы, в итоге их миссия была всего лишь ещё одним поводом для захвата земель, а как всё начиналось благородно – и всё загнулось так низко.

Люди не рождаются грязными тварями, такими низкими, они воспитывают себя сами, а если не хватает сил воспитывать себя таким, каким ты хочешь быть, то тебя воспитает общество, конечно, ещё повлияют родители, друзья и прочие незначительные на первый взгляд вещи. Такие как образование, да и всё же заложенные данные, таланты. Одним словом, я не верю в благородство тех людей, что говорят такие фразы, как «главное не победа, а участие», – не надо врать, в глубине души ты, говорящий, хочешь быть первым, хочешь победить, хочешь этого приза: неважно, что приз – это не миллион долларов, а всего лишь медалька или грамота за участие в школьных соревнованиях.

Я не буду говорить, что я благородная личность, но по крайней мере я никогда не стремился участвовать в каких-то там соревнованиях, потому что не видел смысла. Зачем растрачивать свои силы почём зря на пустое дело? Также я никогда не стремился быть лучшим или отличником, хотя учёба давалась, мне довольно легко.

Этакая позиция «амёбы», на первый взгляд, помогает равноценно и разумно распределять свои силы. Да, я не увлекался соревнованиями в школе, но я бегал для себя в свободное время, да, я не был отличником учёбы, но я доско-

нально изучал то, что мне было интересно, например психологию общения. И я скажу, что в наше время люди совершенно не умеют общаться: ни в соцсетях, ни вживую, ни по мобильникам, ни взглядами тем более.

Люди даже не стремятся быть лучше, они ругаются матом, признаюсь, я тоже матюгаюсь, но не для связки слов, они обливают друг друга грязью лишь потому, что что-то идёт не так, например, новоиспечённый друг не хочет покупать тебе подарок на день рождения, который у тебя через неделю, а какого лешего? Вот ещё один признак психанутости всего общества.

Может, раньше и был этикет, и эти там приседания в реверансах и прочее, в наше время в платьях не приседают в реверансах, особенно в автобусах, да и в панталонах не ходят, но правила хорошего тона никто не отменял. Неважно, как ты одет, в пышное платье или в джинсы, важно, как ты себя ведёшь, говоришь, нам не хватает этикета, вместо того чтоб изучать историю Древнего мира, лучше б изучали этикет, и то больше пользы, чем какие-то даты запоминать, ещё и до нашей эры.

Я не говорю, что я такой мастер общаться, но если мне грубят, я могу поставить человека на место без матерных слов, если меня пытаются унижить, я унижу его первым, того, кто смеет считать себя выше меня, и я не про рост, если меня ударят, ударю в ответ. Вот такой я весь.

Тем временем совсем стемнело, а я убрёл на ту заброшен-

ную дорогу и всё шёл и шёл по ней один. Одиноким странник, идущий неизвестно куда и зачем. Зачем я шёл? Не знаю. Куда я шёл? Не знаю. А нужно ли мне туда идти? Нужно, потому что домой я не хотел.

Вот так всегда и приходит ко мне эта безумная мысль лечь где-нибудь и уснуть навсегда. Но что-то меня останавливает всегда. Наверно, понимание того, что уснуть навсегда мне не удастся, потому что для этого надо суицидом закончить свой жизненный путь, либо броситься под машину или поезд, либо...

М-м-м-м, а оказывается, есть так много способов порешить себя, и есть всего один способ, чтоб родиться, это даже забавно. Жизнь нам сама подсовывает варианты, говоря: выбирай какой хочешь, если повезёт, умрёшь быстро, а если нет, останешься здесь, ещё неизвестно, в качестве кого, человека или овоща.

Признаться честно себе, я как-то думал покончить с жизнью на этой Земле, но не вышло. Здравый смысл в последние секунды перевязал рану на запястье, а потом было долгое и упорное вылезание из того дерьма, куда я себя запихнул. Родители, ясное дело, волновались, особенно мать, меня лечили антидепрессантами и чем-то ещё, и я вылез из этой депрессии, и вот кем я стал.

Остаётся только легко руками всплеснуть, ахнуть. Не могу сказать, что тогда, когда я решился на суицид, я не осознавал, что делаю, или находился под алкогольным или нар-

котическим влиянием. Я всё прекрасно осознавал, и я хотел умереть. Но всё же – что меня вразумило? До сих пор гадаю.

Вообще люди – забавные существа, ведь все так уверены, что наступит завтра, а если это твой последний день, и даже не потому, что ты решил себя убить или ты смертельно болен или ранен и истекаешь кровью либо болезнь съедает тебя, а банальный несчастный случай, стечение обстоятельств, неудачный автобус, самолёт, поезд, да, в конце концов, неудачный светофор и водитель легковушки, что тогда? Что бы ты делал, спрашивал я себя, если б знал, что это твой последний день на этой Земле, точнее в этом мире, в этом теле, что тогда?

И тут я вправду призадумался, а мои ноги несли меня всё дальше от жилых построек, домов, улиц, дорог, всё ближе к заброшенной деревне, которая скоро станет местом для стройки ещё таких же однотипных и одноликих многоэтажек. Отличие будет только в названии улицы, на которой построят дом, номере и цене за квадратный метр, хотя, может, если это та же фирма, что строила соседние дома, цена окажется такой же или, может, чуть ниже, на полмиллиона. О да, это поможет купить молодой паре квартиру – на полмиллиона дешевле.

Так же и с людьми: мы все однотипны, все стремимся к лучшей жизни, а лучшая жизнь, представляется многим, это дом за забором, свой подземный паркинг, элитный детсад и школа, рядом магазин, аптека, салон красоты, короче, ми-

ни-городок за забором. Они так хотят запихнуть себя в клетки, что даже ставят железные двери и сигнализации на входные двери своих пятикомнатных хором, но зачем? Зачем вам эти стены, если вы в них так же одиноки, как и я в своей однокомнатной квартирке на пятом этаже?

И всё же, что бы я сделал, если б знал, что это мой последний день и ночь в этом мире и следующий рассвет мне не увидеть? Наверно, я б покался во всех тех грехах, поступках, что я совершил за довольно недолгую свою жизнь, но не в церкви, не священнослужителю.

Я б пошел в такое вот, как сейчас, место, сел бы где-нибудь в поле, где трава ночью шелестит от ветра и наполнена музыкой сверчков и ночных обитателей, и говорил бы вслух, говорил бы всё, не утаивая и не приукрашивая, говорил бы от сердца, признавал бы свою неправоту, просил прощения у тех, кого не смог понять, принять и полюбить. А потом бы замолчал и погрузился в вечный сон.

Но меня бы не услышали те, у кого я просил прощения. И что тогда? Да ничего, наверное, ничего. Наверное, это было бы эгоистично, потому что я облегчил бы свою совесть, сказав вслух то, что не сказал раньше тому, кому стоило бы, но не получил бы прощения и понимания тех людей. А волновало бы меня это? Не знаю. Возможно, да.

Но нет, я почему-то уверен, что сегодня точно не помру и это не моя последняя... хм... уже девять часов вечера, глянув на светящийся экран мобильного, увидел я. Пора

бы вернуться домой и чего-нибудь закинуть в желудок, но мои ноги упорно шли всё дальше и дальше от дороги в поле, где вдали виднелись полуразрушенные деревенские дома, пустые дома.

Ветер пробежался по траве, донося звук и запах ночи до моих ушей и носа. Вдохнув глубоко и резко выдохнув, я всё же решил вернуться домой. Сколько ни броди, успокоения от этих прогулок я не получал, а если получал, то очень малое и недлительное.

У меня была возможность побыть наедине с собой, но не было возможности устранить эти пустоты в душе и сердце. Я давно уже сгнил, сгнил, и я, как тот пенёк, что не цветёт, стою твердо на своей увядающей земле, которая меня питает, а когда та истощится окончательно, засохну и я. Мне останется только дожидаться, когда мимо проходящий прохожий пнёт меня, и я рассыплюсь от трухлявости в прах, и больше не будет на этом месте такого пня, как я.

Но пока я ещё не иссох и земля моя меня питает, я могу продолжать рассуждать о том, что в этом мире, созданном человеческими руками, не так, или же забить на это и жить как умею в своё маленькое удовольствие: выполнять свою работу, получать за неё деньги, платить из них за квартиру, электричество, воду, покупать еду, готовить её, одеваться, стирать вещи, мыться, встречаться с девушками ради одной цели....

Хотя не знаю, с недавних пор, как я уже говорил, мне

неприятен тот факт, что я только использую их для удовлетворения своей плоти, да, в принципе, как и они меня... Но всё же меня не волнует, почему они так поступают, почему я так поступаю, вот в чём вопрос.

Блин, как много я философствую. Это даже утомительно. Зачем я выношу себе мозг? Зачем я задумываюсь об этом? Почему я просто не могу жить как все, я же обыкновенный, я ничем не отличаюсь от других... Нет? Да, не отличаюсь, но не совсем. Это «не совсем» – я не могу сказать, что это, но я знаю, что это и приносит мне большие проблемы всегда, всю жизнь.

Слишком быстро повзрослел, просидев в таких местах, о которых лучше вам не знать, те, кто утверждает, что понимает меня, ни фига не понимают меня, пройдя через то, через что проходил я и что делал, я, конечно, совсем неотличим от остального общества – или это общество не отличается от меня.

А, не хочу об этом думать. Вот уже виднеются огни жилых домов, скоро появится та самая заброшенная дорога, по которой я и пришёл сюда. Зачем говорить о том, что общество прогнило, вы даже не представляете, насколько оно сгнило. Я не говорю про лесбиянок или педофилов, уж поверьте, тех и других хватало и в прошлые века, только это так не афишировали и не ходили на митинги о свободной любви или, наоборот, о запрете геев и розовых.

В конце концов, это немного, но больные люди, психи, их

не ругать надо, а лечить, но только не жалеть и не сокрушаться, что вот, дал Бог сына или дочь и так далее, а если уж и лечить вам в тягость, то хотя бы попытайтесь понять, если общаться хотите, а если не хотите, так и не лезьте к ним со своими тараканами в голову. Я говорю про то, что...

А, не буду, аж тошно стало, да и к чему я трясую эту грязь, пусть лежит себе ровным слоем на земле, вот только скоро эта грязь покроет не только ваши стопы, но и лодыжки, она будет ползти по вашим икрам, залезая на бедра, утягивая вас в себя по пояс, и если вы слабы или думаете, что приспособливаетесь к обстановке в обществе, то ошибаетесь, вы сами не заметите, как окажетесь все в этой грязи, она поглотит вас и снаружи и начнёт забираться внутрь, очерняя ваши мысли, а за ними и поступки.

И к чему я это говорю? Ведь меня никто не слышит, я одиноко идущий путник, молчащий вслух, но ведущий столь долгий монолог с самим собой и смотрящий себе под ноги, я представляю идеальную жертву для воровства и насилия. И вряд ли, если кто-либо на меня начнёт нападать, он захочет поболтать о ценностях или о том, зачем он хочет меня обворовать. Какие иногда смешные мысли приходят в голову, однако ж.

Я вышел на заброшенную дорогу и теперь шёл по ней. Я даже иногда завидую таким людям, которые бесшабашны и живут одним днём, которые не изматывают свой мозг на такие философские темы, которые я прогонял у себя сейчас. А

с чего всё это началось? С той юной особы, что рассуждала о неправильности мира и о том, что-то кто-то не празднует праздники, потому что ему они не нужны, и не принимает от неё подарков, потому что...

И тут я споткнулся и в прямом смысле слова, и в переносном, так как дорога не была освещена фонарями, а свет из окон домов не достигал того участка, где шёл я, и чуть не упал носом вперёд. Это же была она, дошло до меня, да, безусловно, какой же я болван, как я мог её не узнать?

Хотя, в принципе, и не мог, как-никак, месяцев десять или и того больше прошло, как мы не общаемся. И всё же, может, я ошибся? Может, та особа вовсе не моя... Стоп, она и не моя.

Бр-р, мысли запутываются, хотя я прекрасно понимаю, что хочу сказать... Может, это вовсе не она, одним словом, а очень похожая на неё девушка, мыслящая так же, как и она... А ты сам-то веришь в то, что говоришь? Верю.

А что тебе мешает позвонить ей и спросить? Ага, что, интересно, – говорила ли она сегодня со своей знакомой, или кто она там, обо мне? Конечно, я не об этом, и ты это и сам знаешь. Супер, у меня пошло раздвоение личности.

Я подошёл к той части дороги, где она уже вела к домам и фонарям, было почти десять часов вечера, но на улице ещё был народ, да и ничего удивительного, это ж город как-никак, в нём всегда кипит жизнь.

И всё же, может, стоит позвонить ей, хотя нет, уже десять,

она, наверное, спит, лучше эсэмэс кинуть. Не, разбуджу ещё, наверняка перепугается, подумает – что-то стряслось. Да и что я ей напишу? И с чего вообще я решил, что она ответит на эсэмэс или звонок?

Разве не я ей говорил, что продолжения общения не будет, потому что все повторится? Она захочет большего, выскочит из вагона и понесётся, а я, естественно, буду злиться на неё и давить ей пятки, вот она наконец меня и послушалась. Ни звука, ни слова, ничего от неё.

А я всё ждал, точнее ожидал, что вот она сорвется и напишет в соцсеть мне, а я такой буду делать вид, что не вижу, отвечать фразами, которые не дадут пищи для продолжения разговора, или вообще односложно. А она оказалась сильнее – или, может, я так сильно её обидел, что она не стала больше унижаться передо мной? А может, и так.

Не я ли хотел её подладить под себя, изменить, чтоб она была мне удобна, но зачем? Для чего? Для дружбы? А мне нужна её дружба? Для общения? А мне нужно её общение? А она мне вообще нужна? И тут я в самом деле впал в ступор. Такой простой вопрос: нужен человек или не нужен? Если нужен, берешь и борешься за него вместе с ним, не нужен – кидаешь и идешь дальше, но тут...

Я добрел до своего дома, поднявшись на этаж и открыв дверь ключом, зашёл в пустую квартиру, где было темно и неуютно, потому что, уходя, я открыл балкон в спальне и форточку на кухне. Я вообще-то любил прохладу и не мёрз,

в отличие от неё...

Да, она.... И интересный поворот событий, никак не ожидал от себя такой подставы – чтоб она значила для меня так много. Хотя, с другой стороны, я не так уж плохо живу и без её общения, и без неё в целом, у меня есть знакомые на работе, я слушаю конференции, что проводятся у нас, даже сам иногда участвую в них, моя жизнь не так уж однообразна и скучна, как мне кажется, точнее как ей кажется. Она-то не знает, что у меня в голове, хотя и я не могу с точностью сказать, что у неё в голове. Да не суть важно.

Ну и кому что я тут решил доказать? Она-то меня всё равно не слышит. Вот, я опять сам себя увожу от решения. Может, уже стоит ответить на поставленный вопрос – нужна она тебе или нет? Я самодостаточный человек, и я не нуждаюсь почти ни в ком. Мне что одному, что с кем-то ещё – одинаково, главное, чтоб не мешал, а так...

Тем временем я разулся и снял толстовку, прошёл в ванную вымыть руки, и надо ещё сделать себе чего-нибудь поесть. Мне не нужна она, всё, и точка, мне никто не нужен, я уже это обсуждал и пришёл к выводам, так что не стоит сейчас об этом вновь думать. Притом она не соответствует моим стандартам.

«Да ты хоть слышишь, что ты говоришь?! – возмутился мой двойник внутри меня. – Не подходит стандартам?! Болван! Ты говорил, если человек по-настоящему тебя любит и других вариантов больше нет, ничего подходящего, то мож-

но попробовать приблизить человека к себе.

А вот сейчас, на секундочку, это выглядит так, будто ты выбираешь на рынке или в магазине курицу: вот эта вот хорошая, но несвежая, а эта свежая, но мало мяса, одни кости. Только она или ещё кто-либо – не филе грудки в магазине, а живой человек, и это дар, что тебя любят.

Чего ты хотел от неё – чтоб она была спокойной, холодной, не подгоняла тебя и не выпрыгивала впереди паровоза? Чтоб успокоилась, была как та, что тебе была по сердцу, точнее по характеру, чтб не устраивала конфликтов и не дарила подарки, которые тебе не нужны, но которые ты до сих пор не выкинул, почему это, интересно, она бы ведь не узнала, так ведь, что ты с ними сделал?

Или, может, ты хотел, чтоб она не питала иллюзий, что ты можешь по-настоящему любить? А она ведь не слепая и далеко не так глупа, как кажется, она всё знает, знает, что она для тебя не совсем пустое место, твои знаки внимания, твоя забота о ней, да, ты пытаешься упорно это скрыть, точнее пытался, сейчас-то уже не нужно. Зачем ей шарф подарил? Потому что знал и помнил, что мёрзнет, что горло часто болит. Так что не ври себе, а то я-то тебе всё по полочкам разложу».

Я больно ударился большим пальцем о стул, что стоял около стола, и чуть не уронил сковородку на пол. Ругнувшись не самыми приличными словами, я согласился со своим вторым «я», что да, без неё неплохо, но её присутствие и

её внимание мне всё же нужно. Не знаю почему, но именно её глаза заставляют меня отводить от её лица свои глаза, я вообще не люблю смотреть на говорящего или когда я говорю, в лицо, в глаза, это меня отвлекает.

Почему-то всегда, когда мы договаривались погулять или сходить в кино, я пшикался тем одеколоном, что ей так нравился. И ещё я помнил, что из всех моих многочисленных знакомых, среди которых я, увы, не могу назвать хоть одного друга или подругу, она одна любит карамельное мороженое и вообще карамель в целом.

Хотя всё же пару человек друзьями я могу назвать, хоть и не совсем уверен, что дружба может сохраниться в дальнейшем. Вообще дружба такая вещь – то она есть, то её нет, как и люди, одни приходят, другие уходят.

Фишка лишь в том, что одни уходят, и ты не замечаешь этого, они уходят незаметно и безболезненно из твоей жизни, а других не хочешь отпускать ты, третьи уходят яростно, в общем, эффектно, а четвёртые уходят тихо или громко, неважно, медленно или быстро, но ты о них всё равно помнишь и почему-то ещё и тоскуешь, и хочешь, чтоб они вернулись. Но твоя гордость или твои мысли не позволяют тебе написать первым, позвонить, просто приехать. Ты будешь убеждать себя, что тебе это не нужно, он тебе, этот человек, не нужен, тебе хорошо и без него... Без неё.

И так ты убеждаешь себя в этом постепенно и забиваешь глупую мысль, червячком сидящую в задней части подсозна-

ния, умышленно думаешь о чём-то ещё, потом это становится привычкой. И — о чудо! — ты победил себя, но в то же время и проиграл. Вот так же и с ней. Точнее, с мыслями о ней: я умышленно гнал их от себя, но вот настал тот день, когда они выползли на поверхность и теперь проедают мне мозги.

Поев и помыв посуду, я быстренько принял душ и отправился в кровать, но, конечно, сон ко мне не шёл, я же всё ещё думал. И я решил, что поеду к ней завтра. Никакие разговоры по телефону, по эсэмэс или даже в соцсетях не заменят настоящего человеческого общения. Притом, что ж скрывать, я хотел её увидеть, и я соскучился по её красивым, чистым глазам, таким же карамельным, какое она любит мороженое. Приняв это решение, я заснул, и снилось мне чёрт знает что.

Глава 2

Проснувшись в десять часов утра, я понял, что не поеду к ней. Вернулась моя рациональность, и дело было вовсе не в погоде – 17 марта было серым, с мокрым снегом, переходящим в мелкий дождь, порывами северного ветра и лужами под ногами, – а в том, что я... струсил. Нет, даже не так: я не хотел признаться себе в том, что она мне нужна, что мне нужна эта девушка, хотя, может, она уже женщина... Кто знает, есть у неё кто или нет.

Такие девушки, как она... О, неверно, такая, как она, вряд ли ещё найдётся, и не в плане красоты, а в плане мышления, принципов, поступков, она индивидуальность, и я это признаю.

Разве будет какая другая девушка, будь она на её месте, пытаться столько раз подряд дарить мне подарки, когда ей говорят, что они не нужны мне, что чужды чужие вещи в доме, а она всё равно дарит и ещё так очаровательно смотрит на тебя или обижается, что ты их не берёшь, что нет слов, одни эмоции, и столь разнообразные, что волей-неволей начинаешь сходить с намеченной цели под этим взглядом её глаз...

И ведь я знаю, что делала она это не из упрямства или вредности, а из тех чувств, что испытывала ко мне. И я, зная это, понимал и отвергал её.

Встав с постели, я ощутил ужасное пошатывание в ногах,

посмотрев на них, я увидел, что они трясутся, у меня так бывает, когда я слишком сильно нервничаю. Великолепно, даже не общаясь со мной, она умудряется так выводить меня из равновесия. «Это ты сам себя вывел из равновесия своими мыслями», — как всегда, сказал мой второй «я».

И второй «я» был прав. Прибрав постель, я прошёл в ванную. Умывшись, я оделся и приготовил себе завтрак. Жуя и поглядывая в окно, я видел бесконечное серое небо, затянутое тучами, из которых капала вода. А может, не стоит ничего делать? Зачем теревить прошлое? Ведь, может, она уже и забыла меня или встретила нормального, достойного себя мужчину? Ведь она удивительна и уникальна в своей природе, простоте, чувствах, даже в эгоизме. И всё же я тосковал.

Эта тоска была такой, когда расстаёшься с человеком по не собственной воле, хотя в моем случае это я так захотел, а она впервые в жизни не пошла против моей воли и ушла. И поначалу вроде не так много и часто думаешь о человеке, даже забываешь, что он куда-то уехал, но вот проходит месяц-два, и ты понимаешь, что его всё нет и нет, но ты знаешь, что он вернётся, но только не в нашем случае. Она ушла, и я, болван, сам, сам этого хотел, а теперь тоскую.

Но почему, спрашиваю я себя, почему? Тем временем я помыл посуду, почистил зубы, пришёл в спальню и гостиную, что было одним помещением, и, встав посреди комнаты в одних трусах, стал смотреть на своё отражение в большом зеркале, что прикреплено у меня на дверце шкафа.

Почему ни одна из девушек не вызывала у меня таких разных чувств? Она могла меня довести до кипения, если, конечно, предварительно меня ещё кто-нибудь подогреет, как воду в чайнике, и в то же время она меня умиляет своей непосредственностью, она, как маленький ребёнок, когда мы с ней заходили в магазины игрушек, чтоб убить время, например, до сеанса в кино, тыкала в кнопки игрушек и отдергивала руку, когда та начинала работать, при этом её лицо выражало такое внимание и спокойствие.

Ещё она так мило рассуждала о кухонных наборах посуды к чаю, что, мол, надо зимой пить из зимнего набора, то есть там должны быть снежинки или ёлочки с игрушками, саночки и так далее, весной – из весеннего, и прочее, в целом понятно, про что речь.

А иногда от неё шли странные волны, которые дурманили меня немного, и я видел в ней не только то, что она взрослый ребёнок, которому не хватало в детстве всех тех игрушек, что есть у современных детей, да и то не у всех, в не особо обеспеченных семьях детям игрушку за 30 кусков родители не подарят, и даже не это, я видел в ней девушку – с красивой стройной фигурой, губы, что она иногда красила в алый цвет, как мне нравится, с огромными карамельными глазами, ресницами, которые она никогда не красила, с длинными волосами, что она всегда убирала в замысловатые причёски, маленькую ладонь с тонкими пальцами, и это меня пугало.

Я боялся видеть в ней девушку, вполне себе привлекатель-

ную, не совсем стервозную, да, с изменчивым характером, горячую, подгоняющую меня, но незлобивую, ревнивую – это да, со своими моральными принципами, своим мнением на любой счёт, гордую и в то же время так нуждающуюся в опоре и верном друге.

Конечно, можно было бы обвинить в том, что я вновь вспомнил её, ту юную особу в лисьих ушках, но это наполовину будет неправда, я вправду думал о ней, только всё это запихивал в дальний угол своего подсознания, а эта девушка только была спусковым крючком, чтоб вновь запустить механизм моих воспоминаний о ней.

По сути, что мне мешает жить нормально, весело или по крайней мере радоваться жизни? Разве меня кто-то неволит, или я калека, или неизлечимо болен? Живи себе да радуйся – нет, устрою себе головомойку. Опять же глупо скидывать всю вину на неё, она тут уже ни при чём, а мне всё-таки как-то беспокойно, и я тоскую.

И, как она любила говорить, первым должен начинать мужчина, потому что во все времена мужчины не любили, когда руководят женщины, она давала мне право быть первым, я же отвечал, что кому нужно это общение, пусть тот и старается. И я тогда был абсолютно уверен в своей правоте, что ей надо – пусть меня и переубеждает и доказывает, что и мне надо это общение с ней.

А когда не вышло, потому что у неё характер такой, у меня эдакий, да и не хотел я общения с ней, и вообще ни с кем,

тогда, когда всё это происходило, у меня были свои кризисы, ссоры с родителями, да и с самим с собой, мы разошлись, потом я успокоился, восстановился, как говорится, и ждал, что она вот-вот вновь заявит о себе, но ошибся. Она ушла, послушав меня впервые за всё то время общения, что мы вели... а, кажется, я повторяюсь. Не знаю, как это расценивать: её взросление, или обида, или смирение, а может, она решила больше не тратить на меня своё время, силы, слёзы и любовь?

Посмотрев на себя в зеркало, я увидел красивого, молодого, стройного, но не щуплого, невысокого, но и не низкорослого юношу с тёмными, но не чёрными, слегка вьющимися от природы и влажности волосами, с холодными, но не лишёнными ума и не пустыми серыми глазами.

Но, с другой стороны, она права, я мужик, и я должен добиваться девушки, если она нужна мне, конечно... А она нужна мне, потому что ни та, что похожа на меня характером, ни та, которую я когда-то страстно «любил», не похожи на неё, в ней сочетается всё: и взрослая девушка, и капризное дитя, и умная, усердная в работе личность, но и беспомощная и наивная девочка, за которой нужен присмотр и уход.

И я понял, что я хочу ухаживать за ней, оберегать её от тех, кто падок на её красоту – уж я-то как мужчина всё давно оценил и разглядел в ней, – помогать ей, когда она нуждается в помощи, готовить ей завтрак или ужин, покупать ей украшения и красивые наряды, гулять с ней в парке, держать

зонт над её головой, если будет идти дождь, в осенний, прохладный день... быть рядом с ней.

Поняв это и перестав отрицать очевидное, я начал одеваться. Надел я, как всегда, джинсы, рубашку в клеточку, которую она так любила, фланелевую, попшикался тем одеколоном, что ей нравился, и, пройдя в прихожую, понял, что надо помыть сапоги. Они были по щиколотку в грязи, и, достав ведро и тряпку, я начал их мыть.

И тут мне вспомнилась её речь: «Ты парень, но ты другой, понимаешь, ты можешь сам приготовить, постирать, зашить, даже квартиру убрать один раз в месяц, но ты уберёшь, а он, — она говорила про своего одноклассника, с которым более-менее поддерживала общение и на которого я ей намекал как на хорошего друга, а может, даже как спутника жизни, — он тоже это может, потому что у него три младшие сестрёнки, а мать наверняка его заставляет делать «немужскую» работу, но ему нужно женское тепло, забота, уход, а я этого не могу ему дать, дать в качестве жены...» А потом она добавила: «Но не тебе, ты можешь всё это сделать сам...» И она права, я могу всё сделать сам, но мне необходимо, как она выразилась, женское тепло, забота, уход — как поздно я это понял. А может, ещё не поздно?

Я всегда считал, что без женщины в доме спокойней, да и мне всегда было хорошо и одинаково, что есть она, что её нет, хотя совсем раньше я жил с родителями, и мать готовила, стирала, конечно, меня заставляла иногда вымыть окна,

помыть пол и так далее, но меня это не особо напрягало, а сейчас я наконец понял, что имела в виду она.

Она оказалась мудрее, чем я думал, это я думал, что я такой весь умный не по годам, древний пень, хотя что есть, то есть, а она глупая, цепляется за меня, ревнует, требует моего внимания к ней, как ребёнок, избалованный ещё притом, говорит мне тут про то, что не по любви жить нельзя, а я с умным видом и философскими речами говорю, что, мол, чаще всего выбор наш не совпадает с выбором избранника или избранницы и советую, мол, сблизиться с тем её одноклассником.

Вот я болваном был, а она смолчала, ничего не ответила, лишь смотрела на меня своими глазами, тогда был солнечный день, отчего глаза у неё были золотистого цвета, долго смотрела, я а всё отводил взгляд или смотрел прямо перед собой на землю.

Наконец, приведя сапоги в порядок, вылив воду, помыв руки, я вышел из квартиры, закрыв её, пошёл к метро. Шёл я под морозящим дождем и хмурым небом, но мысли мои были ясны и понятны. Как легко дышится, когда ты снимаешь с себя такой тяжёлый груз, груз, который сам на себя повесил.

Зачем я утверждал, что она мне не нужна или что она слишком далёкая и непонятная мне, для меня, или что она не подходит мне? Да потому что был убеждён в том, что лучше я один проживу эту жизнь, чем обрекать другого человека на мучение со мной....

Но стоп, разве я могу гарантировать, что она будет со мной в уюте и счастье, или то, что я ей сейчас ещё нужен, что она согласится начать сначала наше общение? А что если у неё кто-то уже есть, он любит и уважает её, и она вообще за него замуж собирается? А разве такого не может быть? И разве я не могу опять, вот как вчера, бродить до ночи неизвестно где, думать о своём и знать, что меня никто не ждёт дома?

Но сейчас я один, сейчас меня никто не держит и меня никто не ждёт, мне не к кому спешить... А когда вновь появится она, если вообще захочет появляться в моей жизни, многое изменится... и для меня, и для неё... И вот я, всегда не колеблющийся в своих решениях, почувствовал неуверенность в своем нынешнем решении, точнее поступке или бездействии.

Надо с родителями повидаться, подумал я вдруг неожиданно для себя, чтоб уйти от основного вопроса, тем временем полдороги от моего дома к метро было пройдено. А если она тоже переехала?..

Я остановился и, достав мобильник, набрал её номер, слышались гудки, затем ничего не произошло. Я ждал. Время на вызов закончилось, он автоматически выключился. Я смотрел на потухший экран и думал – может, она не успела взять трубку, а может, не хочет говорить?

Затем я спрятал мобильник в карман джинсов и медленно пошёл к метро. Решил прогуляться на набережную, хотя это

место было не самым лучшим из вариантов, куда я бы хотел, а точнее, не хотел ехать, но сегодня мне так дёрнуло – туда направить свои стопы, коль всё равно на улицу выполз.

Да, в цивилизованном мире мы живём не совсем цивилизованно, подумал, я, проходя мимо бомжа, от которого мало того что несло мочой и немытым телом, так ещё и воняло перегаром и алкоголем, и он сиплым голосом просил подать ему десяточку. Но ради чего? Зачем? Чтоб он пошёл и вновь принял дозу? Вот он переключился на меня и сиплым голосом, открывая свой почти беззубый рот, обратился ко мне:

– Подай десятку, а? Будь человеком!

Я остановился и спокойно сказал:

– Я похож на банкомат?

Бомж не понял сначала, потом как-то застыдился и отошёл. И почему он стал таким? Не в плане одежды – в плане жизни, почему он стал бомжевать? В чем причина? Где начало его истории?

Ведь не все бомжи сразу ленивые попы, безмозглые твари и прочее, среди них бывают люди, попавшие в беду, из которой не смогли выбраться, так вот и спились. Ведь не у всех хватает силы воли выбраться из депрессии или оправиться от потери или предательства друга, девушки и так далее.

Я бы, может, тоже запил бы, хотя был такой период в моей жизни, когда я пил каждый день, да ещё как, жил в деревне, так что мог позволить себе быть бухим и не заморачиваться, чем закусывать и с кем бухать. Хотя я знал, когда стоит уйти,

чтоб не проболтаться, конечно, правда, после такой двухнедельной попойки, а может и дольше, я лечил печень полгода или и того больше... В общем, в алкаша я не превратился, а жизненный опыт приобрёл.

Я почти уже дошёл до метро, как услышал входящий звонок. Мое сердце невольно застучало быстрее, я извлёк из кармана мобильник и ответил:

– Да?

– Сын, ты к нам в гости заглянуть не хочешь? – услышал я голос отца.

– Когда? – «Как почувствовал. – подумал я. – Телепатия».

– Завтра вечером.

– Думаю, что могу. К каким часам?

– К пяти вечера сможешь?

– Да.

– Спасибо.

– Да не за что, – ответил я. – А что случилось?

– Родственники приезжают, – страдальческим голосом ответил отец. – Мама попросила тебя позвать.

– Понятно, – ответил я. – Хорошо, приеду.

– Спасибо, – с облегчением отозвался отец.

– Ага.

– До встречи.

– Угу, – промычал я. Родственники у нас были ещё те фрукты: один дядя Толя чего стоил, как сядет за стол, так не выйдет, пока всё не съест, да и выпить он любит... А, не хочу

про них говорить, а то настроение подмокнет, и так дождь моросит. И только я спрятал мобильник, как вновь он завибрировал. Посмотрев на экран, я увидел, что это звонит она. Приняв вызов, я сказал:

– Да?

– Ты звонил? – услышал я вопрос.

– Да.

– Извини, не слышала. Что-то случилось?

– Да не... – замялся я. – Хотел спросить – не хочешь встретиться?

– Эм-м... Когда?

– Сейчас.

Молчание.

– Где?

– На набережной тебя устроит? И меньше ехать тебе до дома.

– Хорошо, – согласилась она. – К которому часу?

– А сейчас сколько? – спросил я.

– Почти одиннадцать.

– Тебе сколько надо времени, чтоб доехать?

– Час с небольшим. Короче, полтора где-то, – ответила она.

– Тогда к полпервого, я буду ждать тебя на мосту, над поездами.

– Хорошо.

– До встречи.

– До встречи, – ответила она и закончила вызов. Я стоял и смотрел прямо перед собой на мокрый асфальт. Затем спрятал мобильник и спустился в метрополитен. Может, надо было цветы купить? Нет, подумает ещё что-то не то. «Всё правильно она подумает», – тут же сказал мне второй «я». Ты вроде как решил начать за ней ухаживать. Да, но я покупал цветы той, что страстно «любил», а ей – никогда, притом она ромашки любит, где я их найду? Хотя в наше время один цветочек, роза к примеру, стоит 150 рублей как минимум. Нет, я не жмот, я экономный, но я не знал, стоит покупать розу или нет. Да и притом где я цветы ей куплю? «Выйдешь из метро и купишь», – ответил мне я сам. И всё же я решил не покупать ей цветов...

Зайдя в вагон, я присел на пустое место, по выходным их было достаточно. Прикрыв глаза, я думал. Думал о том, как изменился мир, о том, что в древние времена, если мужчине нравилась женщина, он завоевывал её или отбивал у соплеменника, а она, как безвольная раба, подчинялась ему, если была слаба характером, а если столь же мужественна, как и амазонка – хотя ещё не факт, что они существовали, легенды, летописи и доказательства их существования находят, – то она могла выбрать не того, кто дрался за неё и победил, а проигравшего.

Кстати, точно так же бывает и у львиных пар: львица может выбрать и уйти с побеждённым из клана, вот так вот. Но амазонки жили без мужчин, вот в чём фишка, современные

женщины тоже.

Мало кто из девушек или женщин постарше, моего поколения, современные люди, хотят семью, полноценную семью, я молчу про детей, детей вообще не хотят, а если получают, то делают аборты, а если не делают аборт, отдают в детский дом.

Блин, понимаете, в детский дом, свою кровь и плоть, и ничего, ничего не ёкает в сердце, в душе, а они просто не понимают и не осознают ещё в свои 16 или 17 лет, если не моложе, что ребёнок – это не игрушка, это живое существо, да, пока ещё только вякающий, не осознающий себя и мир кусок красного сырого мяса, но оно живое, и этот кусок произошёл из твоей яйцеклетки и чёрт знает чьего сперматозоида...

Но нет, куда мне говорить о морали и добропорядочности, если я сам грешен в этом плане. Не стоит искать оправдания и говорит, что я мужчина и мне половая близость нужна больше, чем женщине. Но ведь был бы я честен с теми, с кем просто трахался, – так я и с ними был нечестен, а им это и не нужно было. Всего лишь утолили этот голод и разбушевавшиеся гормоны, что пронизывают всё тело, заставляя его изнывать от желания и страсти.

Современным людям не нужен брак, не нужна семья, не нужны дети, не нужна жена или муж, не нужен штамп в паспорте, хотя всё же кто подобропорядочнее и посовестливее, тот не может жить только одними вспышками страсти и смедами партнёров, это опустошает, истощает тебя, твою ду-

шу, тебя самого. Наверно, я дошёл до этой черты своего опустошения, когда либо переходишь черту и падаешь вниз, и тебя уже ничего не волнует, притом не нужно искать и прилагать много усилий, чтоб найти себе партнёршу на одну ночь, либо...

А может, мне вовсе не она нужна, а я вновь только хочу спасти свою шкуру, себя, выползти или отползти от этой грани между этим и тем, что там, и это вовсе не понимание и не осознание того, что она нужна мне? Может, это единственный образ, что сохранила моя память, и она вовсе не то, что мне нужно? Тогда я поступаю нечестно по отношению к ней, ведь я её от себя прогнал, а теперь вновь зову, а она ответила... как и говорила... тогда... Я чувствую себя гадом.

Затем, когда люди типа стали разумнее, они перестали бегать нагишом, есть сырое мясо, начали ухаживать за женщинами, придумали слово «брак», стали выходить замуж по любви – а потом всё покатилося вниз, начиная так с XIII, может, XII века, а может, и того раньше, начали браки составлять по капиталам.

Дети только родились, ещё неизвестно, выживут они или нет, а их уже поженили – по титулам, по землям, по чьей-то чужой воле. Всё это тогда было ужасно, отвратительно, муж изменял законной жене с любовницей, законная жена изменяла мужу, если могла, в общем, рожали потомков богатства, и воспитывали их гувернёры и прочее. Ну, это в богатых семьях, а в крестьянских, отец выдавал дочь за кого подостой-

ней, да и не так беден, в деревне или губернии. В целом механизм был таким же, только капитала меньше, а так...

В наше время, теперь, выходят замуж тоже по капиталам, элита общества, зато средний класс женится и разводится по любви. Статистика разводов превышает статистику браков больше трёх лет совместной жизни, но даже если вы и живёте больше десяти лет в браке...

Ой да, про что это я, сейчас модно жить в гражданском браке. Ну то есть вообще без брака, но с детьми, и если что, он уйдёт, ничем не связанный, даже штампом в паспорте. Хотя если мужчине захотелось уйти, то его ничто не удержит. Так что моё поколение редко дарит цветы девушкам, но есть индивиды, не спорю, которые уважают девушку и понимают, что маленькие сюрпризы дарить и что-то делать для неё и ей – это нужно и это правильно.

А я вот собираюсь дарить ей цветы? Конечно, нет. А почему? Да потому что... А я и сам не знал, как-то не мог представить себе, что я дарю ей их, да и неизвестно, стоит ли уже сейчас это делать?

Так что могу сказать лишь, что с большим прогрессом в технике, медицине и прочими заоблачными технологиями мы всё больше регрессируем в моральном, духовном и принципиальном плане. Мы поступаемся своими принципами ради того, чтобы что-то получить, а сами не замечаем, как теряем самих себя, как из милых, добрых, благородных, справедливых, человеческих мы становимся злобными, себялюбивыми.

выми, жадными, ищущими выгодные связи, и даже в голову не придет помочь человеку, если ему вдруг плохо, он же не выгоден, что с него взять?

Опять же я не говорю, что все люди такие, нет, даже не так: по отдельности мы все хорошие, но вот когда мы все вместе и когда среди нас есть тот, кто портит воду, как говорят, паршивая овца, то всё, люди поддаются стадному чувству.

Это как скажет один в очереди в магазине: «Ну чё так долго?!» – и все начнут в толпе орать: «Давай живей!» или «Работать не умеют!» и так далее. Нет, это значит, помолчать, подумать, что приготовить на ужин или на завтра, надо орать через всю толпу, вот вам доказательство стадности. И особенно мне нравится это «ну чё...» – так и подмывает всегда сказать: «Через плечо», но я сдерживаюсь, потому что понимаю, что зацепится, и выйдет перебранка, а мне это надо? Нет, не надо, так что я мирно стою в очередях, думая о своём, под всеобщий гам.

И вообще, работа в морге успокаивает. Материал, какой бы он ни был и чей бы он и был, заразен чаще всего, так что ему всё равно, когда я его в формалин залью – с утра пораньше или чуть позже.

Поезд подъехал к платформе, я глянул, где я уже, и, выскочив из вагона и сделав переход на кольцевую линию, зашёл в вагон и продолжил мыслить. Теперь я думал о том, что я ей скажу.

Давай начнём с чистого листа наше общение? Да, я и сам понимаю, что это глупо, может, я и забыл уже всё, что она до этого вытворяла, её истерики, скандалы, главное, я понял, почему она это делала, но вот она-то захочет что-то начинать, что важно, нужно ли ей теперь это общение?

И все жё – нужна ли она мне? Не мнимая ли это, вшивая мысль, что она мне нужна? Не иллюзия мозга, не запоздалая паника, что я дошёл до края и остаётся только прыгать или балансировать, пока кто-то не толкнёт меня туда?

Так я проехал остановку по кольцу и вышел из вагона. Сделав ещё один переход на синюю ветку, я вновь сел в поезд. Не думал я, что когда-нибудь моя самодостаточность, отсутствие потребности в ком-либо может сыграть со мной такую шутку. Я считаю себя самодостаточным человеком со своим воззрением на мир, на людей, на те и иные ситуации и вообще нынешние правила и нормы, я всегда жил по своим собственным законам и нормам.

Но что же изменилось сейчас? Почему мне вдруг стало так некомфортно, так грустно, почему я тоскую именно по ней? Ведь мы не виделись уже довольно давно и с той девушкой, с которой мы остались друзьями, и с моими давними знакомыми, но я не чувствую потребности в их появлении или встрече с ними.

Нет, я могу встретиться с ними, я даже буду рад узнать, как их дела, рассказать им о своих, если они захотят послушать, сходить с ними в кино или просто погулять в парке, но

сам я могу обойтись без них и их общения, с ней же всё как-то вышло иначе, она не стало одной из тех приятелей, кого я знаю. Почему? Притом до того злосчастного дня мне хватало общения с теми друзьями, с которыми у меня были мирные связи, а не буйные скандалы и выяснения отношений.

Потому что ты влюбился в неё, нет, даже не так – ты любишь её.

Вздор, мотнул я головой, отгоняя эти мысли. За что её любить? А разве у неё мало достоинств и качеств, за которые её можно ценить и любить? Но она не для меня.

О, даже так, издевался голос в моей голове. А раньше ты говорил, что это ты не для неё, интересно, что же поменялось? И всё же, что мне ей сказать? Пока я так стоял и мучился своими мыслями и спорил с самим с собой, приехала она...

Я не узнал её, нет, я узнал, что это она, по её фигуре, походке, но я не узнал её лица, а точнее, глаз. Лицо её было красивым: аккуратно выщипанные брови, белые щеки с чуть заметными веснушками – пожалуй, это ещё одна её особенность, особенность её организма, появление веснушек именно весной, в остальное время года их у неё нет, – красивые губы, покрытые блеском, чистый лоб и глаза – уставшие, мудрые, печальные, спокойные, какие угодно, но не те глаза, что, сияя, всегда смотрели на меня, не те глаза, что всегда излучали искорку смеха, веселья, радости, не тот оттенок карамели, а тёмные, с отливом зелени, бурые глаза.

Улыбнувшись мне одними губами, она сказала:

– Здравствуй.

Я стоял и смотрел в её глаза, ища в них что-то, но я не мог там найти этого и ответил:

– Привет. – Затем добавил:

– Ты хочешь на набережную поехать?

– Можно, – отозвалась она. – А то тут шумно.

– Тогда пойдём, – сказал я. Она, развернувшись, пошла к платформе, я следовал за ней. Спустившись на платформу, мы молча ждали, пока приедет поезд. Она стояла и смотрела прямо перед собой, прямая, с поднятым подбородком, я хорошо видел её профиль, и если раньше черты лица у неё были мягкими, красивыми, то сейчас мне казалось, что они так же красивы, но холодны, будто высечены из металла, алюминия например, это мягкий, но металл. Она даже не пыталась начать разговор, она просто стояла и молчала, как чужая, – нет, мы стояли и молчали, как чужие... Хотя мы и были чужими.... Нет... но всё же...

Вот подъехал поезд, открылись двери, люди хлынули из них, она стояла и всё так же молчала, когда поток рассеялся, она зашла в вагон и сев на первое с краю место, положила сумку себе на колени. На ней были надеты синие джинсы, серое пальто, на ногах сапожки на невысоком каблуке, на голове милая шапочка. Я сел рядом и почувствовал какой-то холод, он внезапно овладел мною, придя ниоткуда, он охватывал мою грудь, пробираясь по коже, доходя до позвоноч-

ника, до костей, мне стало зябко.

Поезд тронулся с места, мы поехали. Она сидела и молчала. Лицо её ничего не выражало. И тут я понял, что не так: сам её облик был не тем. Она, всегда одевающаяся ярко, всегда любящая зелёный цвет и серёжки... На ней не было их, никаких, вообще. Мне стало нехорошо, я понял, что это она, но в то же время не она.

Она не любила одеваться неэффектно, неярко, всегда только ярко, если уж неэффектно, или же эффективно, если неярко. А сейчас, сейчас передо мной, рядом со мной сидела другая девушка, девушка, которую я не знаю... Хотя я её и ту, как видно, не знал и не хотел знать...

Серое, хорошо сшитое пальто, видно, что дорогое, но серое, даже не серое, а цвета сухого с мокрым по окантовке асфальта, с большими, в тон пуговицами и поясом, что аккуратно и элегантно был перевязан на талии.

Строгая – вот такая она была, взрослая, уже не ребёнок, уже не девочка, не подросток, не та веселая молодая девушка; спокойная, рассудительная молодая девушка – вот кто сидел рядом со мной.

Боже, неужели это я, я сломал её, я превратил из яркой красавицы в серую льдышку, которая не улыбнётся, не засмеётся, не повернёт ко мне головы, не заговорит. Поезд подъезжал к станции, а нам ещё ехать четыре остановки, это молчание угнетало меня. Я искоса бросил на неё взгляд, хотя понимал, что если она это и видит, то никак не реагирует.

И тут пришла в голову мысль, что зря я вообще всё это затеял. А ты не подумал, из-за кого или чего она стала такой? Ну не обязательно из-за меня, возразил я сам себе. Ну ты и козёл, отругала меня совесть.

Если признаться по-честному, разошлись мы врагами, хотя она виновата была в этом самым прямым образом. Но кому теперь от этого легче, или кому теперь до этого какое дело, что виновата была она, если ты решил начать с ней общаться?

Первая и единственная мудрость, которую реально надо усвоить и принять: даже если ты не виноват, извинись перед ней, потому что последствия бывают разные, и дело не в битье посуды, дело в том, что я видел сейчас...

Я вновь посмотрел на неё; она прикрыла глаза, и я увидел, как из-под ресниц скатилась слеза. Она плачет?! Но почему?! Что я успел такого сделать или сказать? А может, у неё что-то болит, а я её тут вызвал на встречу? Может, менструация?

Вот она поднесла ладонь к лицу и резким движением стёрла со щеки влагу, опустив руку, она тихонько вздохнула, видно, почувствовав на себе чей-то взгляд, а точнее мой, она резко открыла глаза, я же отвёл свои, делая вид, что поглощён чтением рекламы на стене вагона. И вдруг я услышал её голос:

– Как твои дела?

Я резко повернул голову, отчего в шее что-то хрустнуло.

«Зря я забросил тренировки», – подумалось мне, тогда и посмотрел на неё.

– Нормально, – ответил я. – А твои?

– Тоже, – отозвалась она. Я понимал, что, если я не продолжу, она замолчит, и разговор закончится, а я не хотел, чтоб она умолкала.

– Что нового?

– Всё по-старому. Работа, дом, быт, работа, – Ответила она без эмоций, глядя куда-то. Этим «куда-то» оказался молодой человек, в которого она упёрлась не видящим его взглядом, он же под этим тяжёлым взглядом начал ёрзать и краснеть. Я пододвинулся к ней немного, шепнул:

– Не пугай человека.

Она перевела свой взгляд на меня и подняла бровь.

– Юношу напугала, – объяснил я. Она посмотрела туда, куда смотрела секунду назад. Поняв, про что я, она холодно улыбнулась и так сбитому с толку и смущённого парню, чем и добила его. Вскочив на ноги, он прошёл в другую часть вагона. Она повернула голову ко мне и сказала:

– Ну вот, сбежал, – и, полуулыбнувшись, мне, спросила:

– А у тебя что нового?

– Да так, тоже работаю. Вот, например, на прошлой неделе... – начал я, понимая, что это пустая болтовня, но я хотел говорить, потому что это меня успокаивало и давало видимость того, что я общаюсь с ней, того, что она не чужой человек, сидящий рядом со мной.

Для меня почему-то это стало так важно и нужно. Поезд подъехал к станции, вновь вышли и вошли люди. Двери закрылись, мы поехали. Я всё ещё что-то говорил ей, а она, как в былые времена, повернув ко мне голову и смотря на меня, внимательно слушала этот бред про то, что нам в морг на заливку принесли биопсию легкого от пациента, где сплошь была одна перерождённая ткань... И тут, пока я все ещё говорил, она пододвинулась ко мне и шепнула в самое ухо, отчего у меня мурашки побежали по телу.

— Там кто-то в углу слева, видишь, — шептала она, — смотрит на нас, мне кажется, это тот самый парень, что всё никак не мог отвязаться от меня, помнишь? — Я, не качая головой, поднял взгляд и посмотрел в тот угол, где находился объект; там и вправду стоял юноша, даже могу сказать, мужчина и смотрел на мою спутницу нехорошим взглядом, но и не взглядом насильника.

Это был взгляд, выражающий сомнение, а может, и нет. Но что было ясно — что он последует за нами. Я повернул голову к ней, посмотрев в её лицо, в глаза, я не увидел там ни паники, ни страха, но и ни мольбы о помощи, там было пусто и устало.

А может, она так хорошо научилась скрывать свои чувства? Но сейчас не об этом стоит думать, через остановку нам выходить, а мне совсем не хотелось, чтоб этот тип, кем бы он ни был, преследовал нас, да и драться с ним мне также не хотелось без причины.

– Слушай, я не знаю, тот это или не тот... – Я осекся, потому что она начала мило мне улыбаться, при этом глаза её были холодны.

– Подыграй мне, – не переставая улыбаться, сказала она мне. – Пусть думает, что мы вместе... – попросила она.

– Конечно, милая, – громко сказал я, потому что мы подъехали к очередной станции метрополитена. – Карамельное?

– Да, – сияя, сказала она и прижалась ко мне. Я обнял её, стараясь, чтобы это выглядело естественно.

– Спасибо, – шепнула она мне на ухо.

– Мне думается, лучше нам не ходить сейчас на набережную, потому что он последует за нами.

– Это точно.

– Пойдём в другую сторону, от неё.

– Там есть рынок.

– Сольёмся с толпой.

– И сбежим от него.

– Хорошо, что ты не ярко оделась, – сказал я и осёкся, почувствовав, как она напряглась в моих руках. Поднявшись, она отстранилась от меня. Мы подъезжали к остановке, встав с мест, мы подошли к дверям, она взяла меня за руку, крепко стиснула пальцы, давая понять, что она готова бежать. Я сжал в ответ её пальчики, говоря, что я её понял.

Не смотря друг на друга, мы обменялись взглядами в отражении стёкол дверей вагона. Она показала, что тот мужик в углу все ещё сверлит нас взглядом. Тут она побледнела, я

не понял отчего, но было уже неважно, потому что не успели двери открыться, как она сиганула из вагона, увлекая меня за собой.

Перепрыгивая через две ступени, мы выбежали из толпы, что шла вниз по той же лестнице, толкнув стеклянные двери, побежали к рынку, что был недалеко от метро. От быстрого бега я начал задыхаться, ибо всегда имел, почти со школьного возраста, обструктивный бронхит, который сказывался при таких гонках очень неприятным ощущением удушья и кашлем.

Остановившись где-то в ряду посуды, она отпустила мою руку и полезла в карман пальто, достав мобильник, посмотрела на пропущенный вызов.

– Это был он, – сказала она. – Гад! – В сердцах выкрикнула она, топнула ножкой. Затем, переведя на меня свой взгляд, спросила:

– Тебе плохо?

Нагнувшись ко мне, она непроизвольно потянула ко мне руки, затем, опомнившись, опустила их, смотрела на меня.

– Нет, – сказал я. – Всё норм. Так бывает у меня.

– Ну хорошо, – отозвалась она и посмотрела вновь в мобильник. – А я-то надеялась, что всё закончилось, что он отвязался... – выдохнула она. – Пойдём?

– Пойдём, – согласился я.

– Тебе лучше?

– Да, всё норм, – отозвался я.

– М-м, кстати, есть не хочешь? – спросила она.

– Да нет, – ответил я, – может, попозже. А ты?

– Я тоже не хочу.

Мы шли по торговым рядам к другому выходу из рынка. Незаметно для неё я оглянулся, прошёлся глазами по толпе людей; вроде среди них этого типа не было видно. Но, не уповая на то, что он не последовал за нами, я не решился пока рисковать выходить на открытую зону.

– Давай пока не будем высовываться отсюда, – сказал я спутнице.

– Отличная мысль, – сказала она, глаза её немного заблестели, а может, мне показалось. – А, вот, вновь звонит.

Я посмотрел на мобильник в её руках, там высветился номер и подпись.

– Не отвечай, – сказал я.

– Ясное дело – ответила она, глядя в экран. – Сам себя спалил с потрохами, – продолжила она. – Я ещё сомневалась, что это он, теперь уже нет. Дурак, – констатировала она факт, дождавшись, когда вызов прекратится, спрятала мобильник в карман. Я невольно улыбнулся – она ругалась, но так мило.

– Ну, коль мы здесь, пойдём поглядим, что тут есть интересенького, – обратилась она ко мне.

– А пойдём, – согласился я, и мы пошли. Вот она вновь остановилась, достала мобильник.

– Да ёперный бабай! – выругалась она. – Никак не угомонится, зараза.

– Звонит?

– Ага.

– Выруби телефон.

– Не. На вибрацию поставлю. Пусть себе вибрирует, массаж буду получать, – ответила она и улыбнулась. Я хмыкнул.

Мы шли вдоль рядов с продукцией, она с любопытством смотрела на вещи, что лежали на столах, на секунду мне показалось, что та, прежняя, она вновь вернулась, когда она метнулась вперёд, глядя на что-то, что привлекло её взгляд, её лицо осветило любопытство, а глаза заблестели. Но вот это секундное явление закончилось, и, подойдя к ней, я увидел лишь спокойное выражение лица и взгляд, устремлённый на янтарную розочку.

– Нравится? – спросил я.

Продавец наострил уши.

– Нет, – не глядя ни на продавца, ни на меня, отозвалась она. – Слишком тяжёлая. Да и носить мне её не подо что. Я вообще как-то брошки не ношу, – отходя от прилавка, сказала она.

– Янтарь красиво смотрелся б.

– Возможно, – отозвалась она.

Мы потихоньку шли к выходу с рынка.

– Держись поближе ко мне, – сказал я ей.

– Ага, – откликнулась она, но не приблизилась ни на сантиметр. Тогда я приблизился к ней, она не отстранилась, но напряглась. Мы вышли с рынка и пошли к переходу.

– Сделаем зигзаг, – сказал я ей.

– Я поняла, – ответила она, и мы вновь погрузились в молчание. Вроде бы ничего не изменилось, она всё так же молчит, раньше нам тоже было тяжело начать разговор, только фишка была в том, что это она испытывала дискомфорт от того, что не знает, что сказать, а теперь – я. Вот так вот, всё в жизни меняется...

Будто мы поменялись ролями, то это она всё ломала голову, как ко мне подступиться, начать беседу, а я знал это и не помогал, когда был в скверном настроении, а когда был в состоянии покоя или даже добродушным, начинал беседу сам и мог говорить очень долго, а она только слушала и добавляла что-то своё или даже спорила, смеялась или хмурилась. Перейдя дорогу, мы пошли через аллею к парку, где и находилась набережная.

– Может, скажешь что-нибудь? – неожиданно для себя спросил я.

– Что? – не поворачивая головы, спросила спутница.

– Тебе неинтересно, зачем я тебя попросил о встрече?

– Зачем? – всё так же идя вперёд и не поворачивая головы, спросила она.

– Чтобы поговорить, – ответил я. Не знаю почему, но её поведение начинало меня злить. Хотя чего я ожидал, за год – почти год – много чего могло измениться. Но не до такой же степени... А почему нет? С чего я решил, что она всегда будет такой, какой была при нашем расставании, с чего я во-

обще это решил?

Решил, что она будет прогибаться и подстраиваться под меня? А она раз – и решила меня вычеркнуть из своей жизни, притом что я сам не раз хотел, чтоб она ушла, и вот она ушла, и что, теперь я удивлён, что передо мной не тёплая, мягкая, а холодная и уставшая девушка? Личность? А раньше – что было раньше, кем она выглядела для меня раньше? Слабой, просящей о помощи, глупой, даже иногда считал её тупой, эгоистичной, настырной бабой?

– Так говори, – сказала она, и мне показалось, что голос её был напряжённым и в нём чувствуется не то раздражение, не то обида и боль.

– Я хотел извиниться, – сказал я, отчего она споткнулась и чуть не упала, я хотел помочь, но она справилась без меня. Я опустил руку. Посмотрев она, спросила:

– И за что?

– За то, что не понял раньше, что ты в чём-то права.

– И в чём же?

– В том, что я не самодостаточный человек.

– Отчего же? – спросила она; мы подходили к ещё одному переходу. Был красный свет, мы остановились.

– Оттого что самодостаточные люди ни в ком не нуждаются. И я не говорю про общение, общение нужно любому человеку... почти, психически здоровому человеку.

– А ты что, нуждаешься в ком-то? – повысила она голос, так как орда машин поехала мимо нас. И я понял, что вот он,

этот решающий момент, момент, когда надо сказать правду, но смогу ли я, нужно ли это?

Я посмотрел на неё. Сейчас её лицо было освещено мартовским солнцем, и я видел, как нервно дрожит её губа, как шевелятся пальцы на её руках, она сама не замечала этого, но я всё понял. Она так же нервничает, как и я. Она такая же, как и прежде, только скрывает это от меня, не хочет, чтоб я знал, как ей плохо. Зажёгся зелёный, мы пошли, спускаясь под сень деревьев по ступенькам, мы хранили молчание. Выйдя на лесную тропинку, что вела от входа в парк к его центру, где располагалась летняя сцена, мы обгоняли людей, что высыпали на улицу в этот выходной день.

И вот мы достигли просвета между деревьями, где была главная сцена и танцевальная площадка, сейчас там никого не было, да и музыки не было, чтоб танцевать, а она очень любила танцевать... Но к чему я это говорю? Может, потому что я не люблю танцевать, да и не особо умею?

– Ты никуда не спешишь? – прервал я затянувшееся молчание.

– Нет, – холодно ответила она, проходя главную сцену и танцевальную площадку мимо.

– Точно? – переспросил я, не зная зачем. Я просто боялся продолжить тот разговор, что сам начал, по сути то, зачем я её и позвал.

Конечно, она обижена на меня, я причинил ей боль, как ещё она может со мной вести, да и в конечном счёте все мы

взрослеем, меняемся, она не является исключением, да и я помог ей измениться, как видно, не в самую лучшую сторону.

«А может, наоборот, теперь она не совершит той же ошибки, что со мной», – подумал я, приписывая себе мнимую добродетель и благородство поступка. «И какую же?» – спросил меня язвительный голос совести. Я молчал, а голос продолжил: «Не будет открывать своих чувств тому, кто ей дорог, до тех пор пока тот не поймёт этого или не отвергнет её даже без этих её признаний?»

– Да, – спокойно ответила она, вдохнув чистый воздух весны. – Хорошо дышится, – вымолвила. Это значило, что она уже не сердится и может спокойно продолжить наш разговор. Хотя с чего я это взял? Неужели незаметно для себя я изучил её повадки и перемены в настроении и теперь замечаю их машинально?

– Ты хотел что-то сказать, – деликатно напомнила она мне. Тем временем мы начали подниматься в гору, и я уже не мог полноценно говорить и идти, с годами всё становилось тяжелее, да и весна с этим влажным воздухом и цветением также сказывалась на моих лёгких, да и на ней тоже. Оба мы – одна аллергик, другой почти астматик.

– Давай поднимемся и продолжим разговор наверху? – предложил я. Она посмотрела на меня, всё поняв, кивнула в ответ. Мы молча поднимались в горку, подъем ещё усложнялся тем, что асфальт под ногами был местами покрыт кор-

кой и скользил. Пару раз я чуть не навернулся, но не это было страшно – страшное было то, что она всё же навернулась, на самом последнем метре от прямой дороги. Неудачно поставив ногу, моя спутница поехала вниз с горки, при этом сильно ударившись коленной чашечкой об асфальт и лёд. Я поспешил к ней, она, шипя и отплёвываясь от боли, пыталась встать, но, видно, удар был сильным, и нога некоторое время не подчинялась попыткам её согнуть. Наконец, растерев место ушиба, она начала вставать, я протянул ей руку:

– Хватайся.

Но она, упрямая и гордая, отмахнулась от неё, сказав:

– Не надо, чтоб ещё и ты рухнул рядом...

Встав на ноги и отряхнув колени, она, немного прихрамывая, поднялась на ровную дорогу. Я шёл за ней следом. Гордая, чрезмерно гордая, ругал я её мысленно. А она всё шла вперёд, к лестнице, ведущей на набережную. Обернувшись ко мне, она спросила:

– Сейчас будем спускаться или посидим здесь на лавочках?

Оглядев местность, я заметил, что лавочки почти все заняты и слишком много народу – это моя проклятая социфобия, нелюбовь к людям, хотя и она не питала особо тёплых чувств к человечеству, ну да ладно, всё это лирика.

– Нет, слишком много людей, – сказал я. – Погода, кстати, хорошая, – добавил я зачем-то.

– Да. Солнечная и изменчивая, – согласилась она и начала

спускаться по лестнице, ещё прихрамывая. Я не мог на это спокойно смотреть, смотреть, как она идёт и хромает. Мне надо было предвидеть это, пришла мысль в голову. «Ну и что б ты успел сделать?» – тут же спросил мой рациональный ум. Ответ я не нашёл, хотя и знал его.

Спустившись по лестнице на земляную тропинку, она обернулась, посмотрела на меня. Глаза её были всё такие же, чужие, но в них застыло ожидание. Спустившись с небольшого бугра к асфальтированной набережной, мы наконец-то остались одни.

Так как от речки тянуло холодом, да и порывы ветра доносили холод воды, то желающих гулять возле реки было мало, хотя и светило тёплое мартовское солнце, и я был этому рад, вот только она вскоре замёрзнет, она же мерзлявая... «Холод меня убивает», – вспомнил я её слова в последнюю нашу встречу.

И этим холодом был я, я убивал её, убивал всякий раз, когда не мог дать ей тепла, любви, чувств, не мог более эмоционально принимать подарки, принимать их не через силу, а с открытой душой и сердцем, все это убивало её, и вот результат: холодная и сдержанная, серая, неяркая, грустная, и слишком тяжёлый взгляд некарамельных глаз...

Неужели я здесь с ней только из чувства вины, только потому, что считаю себя виновным в том, что она стала ТАКОЙ? Но нет, я же думал, пришёл к тем выводам, ещё не видя её ТАКОЙ, но всё же, правда ли то, что я хочу сказать

ей? Если это только предлог, чтоб отползти от той черты, к которой я сам себя привёл? Ведь для неё слова – это не пустой звук, особенно те, что собираюсь сказать я.

Я посмотрел на неё, она шла рядом и смотрела на воду, что небольшими волнами текла своей дорогой.

– Смотри! – обернувшись ко мне, показывая рукой на воду, воскликнула она, – уточки! – И в эту секунду глаза её заблестели. – Жаль, у меня ничего нет, чтоб их покормить, – сказала она уже сдержанным голосом, да и блеск глаз пропал.

«Боже, я сойду с ума», – мысленно ужаснулся я тому, что происходило сейчас на моих глазах, тому, что я сотворил. «Сломал. Ты её сломал!» – кричали мои мысли, моя совесть, я-второй. «Нет, нет и нет, я не хочу видеть её такой, такой мёртвой, серой, грустной, нет. Я верну прежнюю её, верну!» – кричал я в душе, хотя лицо моё в ту минуту было спокойным и холодным, как всегда.

– Да, милые уточки, – ответил я на её возглас. – Если хочешь, можем зайти в кафе и купить что-нибудь.

– Нет, не хочу, – отозвалась она, вновь отвернув от меня голову. – Там всё всегда дорого.

На этом реплики по поводу уточек и их кормления закончились. Солнце припекало, ветер успокоился, мы дошли до лежанок.

– Посидим? – предложил я ей.

– Можно, – согласилась она и пошла наверх, сев на лежанки и свесив ноги, она смотрела на речку, а я готовился

с мыслями и силами, чтоб продолжить начатый у светофора разговор.

– Я начал говорить там, у светофора, – начал я, – так вот, про самодостаточность.

– Да, что ты в чём-то согласен со мной, – припомнила она.

– Да.

– В чём же? – повторила она свой вопрос.

– В том, что самодостаточный человек ни в ком не нуждается. У него есть свой собственный мир со своими правилами, законами и общением с теми людьми, что ему удобны, и я не говорю про выгодные и деловые отношения сейчас...

– И, по-моему, у тебя это всё есть, – перебила она меня, – и правила, и законы, коль ты не простил себе свои ошибки и мою ошибку мне. – Глаза её потемнели, отчего и так тяжёлый взгляд, который был направлен на меня, стал ещё более пугающим. – Извини, перебила, – тут же сказала она, – продолжай.

– Так вот, я не самодостаточный человек, – продолжил я. – Я думал, что я такой, но ошибся и признаю свою ошибку, – нелепо закончил я.

– А я тут при чём? – спросила она.

– Да при том, что ты помогла мне это понять, – ответил я. Всё это звучало нелепо. – Точнее, не ты, а твоё отсутствие в моей жизни. Я думал, что это пройдёт со временем. Ведь я не так уж плохо жил без твоего общения, без тебя в целом столько лет, потом появилась ты, да и не только ты, ещё и

другие наши с тобой одноклассники, кто-то стал мне хорошим товарищем, а кто-то ушёл, но не в этом дело.

Да, я хотел, чтоб ты ушла, потому что, как ты сама говорила в ту последнюю встречу, мы оба мучаемся, ты мучилась в большей степени от моего холода, что убивал тебя...

Она резко вздохнула и отвернула голову от меня.

– И вот, – продолжил я, – спустя время я начал понимать, что ты права, права в том, что жизнь без праздников пуста, нет, это не значит, что теперь я стал заядлым тусовщиком, я понял, что жил немного не так.

Отстранившись от всех, я жил отшельником, наблюдавшим за людьми, те, кто приходил ко мне за советом, получали его, а дальше меня не волновало, что они будут с ним делать, воспользуются им или забудут. Если да, то я видел результат, и если человек хотел, мы продолжали общение.

Те, кто приходил с намерением завязать общение, получали такую возможность, а дальше всё зависело от человека – сможет ли он выдержать меня, мой характер, мои заскоки и как он к этому всему вообще относится, поэтому иногда общения не выходило, тогда всё просто – человек уходил, я про него забывал.

Но с тобой всё вышло иначе изначально, ты была другой: не слушала моих советов и не пользовалась ими, это, конечно, вина твоя, но и моя, потому что я неправильно тебя понимал, нет, зачем я вру. Я правильно тебя понимал, но не хотел, не мог – или всё же не хотел – это понимать.

Я помню, ты хотела дружбы, да, ты всё время спешила, тут есть твоя ошибка, твой вспыльчивый нрав, я просил тебя научиться терпению. Ты не могла, я злился и, конечно, гадил в какой-то степени. Так что тут мы оба виноваты.

Да, ты хотела любви, потому что была юна, потому что была живой, в отличие от меня, ведь я уже давно неживой там, внутри, всё, что осталось, это труха и рухлядь, а ты, ты – другое дело. Тебе хотелось любви, а я тебе жестоко отказывал в ней, не потому, что такой плохой был, а потому, что, наоборот, не хотел ещё больше усугублять ситуацию, я не мог полюбить тебя и не смог даже тогда...

– Когда ты играл в любовь, – перебила она меня, повернув голову в мою сторону.

– Да, – сглатывая ком в горле, согласился я. – Потом ты хотела заботы, потому что забота – это почти такая же любовь, потому что за чужого человека переживать не будешь. Не будешь и проявлять к нему трепет.

Но и этого я не мог тебе дать, потому что слишком сильно был занят тем, что анализировал тебя и все наши ссоры и скандалы, да, я не злопамятен, но всё это – ты и сама это говорила – оседало осадком, но ты сама его и взбалтывала. Припоминая разное и перейдя к удобному для себя решению, я решил избавиться от твоего общения, от тебя в своей жизни. Да и твои подгонки и вопросы о наших одноклассниках, с которыми я общался...

– Можешь не продолжать. Я поняла, – вновь перебила она

меня, – привели тебя к этому решению, а я, поняв это, конечно, не сразу, я ж упёртая, упрямая, эгоистичная... решила уйти с достоинством, но не вышло, в итоге ты всё равно избавился от моего общения и меня. Тогда зачем ты позвал меня сейчас сюда и всё это говоришь? – спросила она меня, глаза её были печальными.

– Позвал, потому что понял, что был не прав.

– И ты мне это сказал только что. Зачем?

– Затем, – начал я, – чтоб извиниться. – В итоге сказал не совсем то, что хотел.

– Ты уже извинялся, – сказала она. – Да и за что мне тебя прощать? За то, что не сложилась дружба? Так ведь сама ж я виновата, всё бежала впереди паровоза, а ты всё прощал, ну и твоё терпение иссякло, так что здесь твоей вины ровным счётом нет.

Нет вины твоей и в том, что меня любить ни тогда, ни когда были типа парой не мог. Ну, раз не по сердцу, не по душе, что уж теперь? – Она подняла плечи и развела руками. – Так что просить прощения тебе незачем. А то, что убивал холодом, – так это побочное действие от несостыковки двух вроде бы непохожих на весь мир людей, но также и несовместимых для общения друг с другом, так что... – Она вновь развела руками. Лицо её при этом исказилось от боли, но она продолжила:

– Да, я помнила тебя, помнила всё это время, но не писала, не звонила, потому что не хотела больше унижаться, по-

тому что ты меня гонишь, а я как банный лист цепляюсь за тебя. Потому что ты не можешь дать мне того, чего я жду от тебя, а я не могу дать тебе того, что нужно тебе, вот и всё. Поэтому я не понимаю, зачем ты позвал меня сюда и разворошил прошлое и мою рану, что так и не заживает в моей душе, зачем? – Она повернула ко мне своё лицо, я увидел в глазах слёзы – и не только их, ещё её прежнюю, ту, что радовалась праздникам и наряжалась к ним, ту, что смеялась и плакала, не скрывая своих истинных чувств, ту, которую я так сильно обидел.

– Потому что я не могу и не хочу, чтоб ты была такой севой, грустной и некричащей, неэмоционирующей, такой спокойной, – ответил я. – Я не хочу, чтоб ты стала как все.

– А я и есть как все, – перебила она меня. – Я просто человек, а ещё дура, которая не может тебя забыть и в конце концов послушать твоего совета и выйти замуж не по любви, а по уму, и какая разница, что мне будет противны прикосновения моего мужа ко мне и секс в постели! – выкрикнула она, слёзы уже подступили к кромке её враз посветлевших глаз.

– Главное, чтоб хорошим был, правильным, чёрт бы его побрал, а чувства – они ведь проходящие, так если их нет, это ещё лучше, не так больно будет изменять и знать об изменах. – Вздохнув, она перевела дыхание, отвернула голову, стирая слёзы, уже катившиеся по её щекам. Я не мог этого выносить, хотя раньше, когда она плакала, я менее чутко на

это реагировал, а сейчас...

Что же изменилось сейчас? Лишь то, что плакала она из-за меня. Может, зря я решил начать всё сначала? Ага, решил пойти на попятную, ну ты и скотина, обругал я себя. Если начал, так иди до конца.

– Ты нужна мне, – сказал я, голос мой был тихим и осипшим, может, от страха, а может, оттого что я сильно волновался. Или, может, оттого что вновь врал, и теперь не только себе, но и ей?

– Что? – не поворачивая головы, спросила она.

– Ты необходима мне, мне нужно твоё общение... – повторил я, она посмотрела на меня, глаза всё ещё были мокрыми от слёз, а на щеках остались влажные следы, вот порыв ветра обрушился на нас, иссушая влагу на её щеках и глазах. – Но я не настолько эгоистичен, чтобы просить тебя вернуться и начать общение с нуля.

– А этого и не получится, – сказала она. – Потому что мы не знакомые, мы знаем друг о друге слишком много, чтоб забыть, мы причинили друг другу слишком много проблем и боли, чтобы не вспоминать этого, даже если и не со зла.

И знаешь, если честно, мне сейчас всё равно, чего хочешь ты, мне раньше было не всё равно, раньше я стремилась подстроиться под тебя, быть нужной, быть такой, какой бы ты хотел меня видеть, чтоб тебе было удобно со мной, и я совсем забыла про себя, чего же я хочу. На что ты мне ответил, что не надо подстраиваться под других, и знаешь, я больше

не собираюсь этого делать. – Лицо её стало жёстким, голос – холодным и взвился до высоких нот.

– А знаешь, я ведь просила так мало и так много от тебя – дружбу и преданность. Ведь дружба – она намного больше, чем встречаться с симпатичным и нравящимся тебе парнем. Ведь – не хочу всех под одну гребёнку гнать, но всё же – в наше время парень не будет ждать до брака, а затащит девушку в постель, а мне это надо? – с вызовом спросила она, хотя ответа не ждала от меня.

– Нет, мне этого не надо, не надо, потому что если я люблю, то я люблю не только телом, не только телом отдаюсь, но и душой и сердцем. А зачем отдаваться тому, кому нужна не любовь, а секс, зачем быть с тем, кому нужна не ты, не то, что есть у тебя в душе, а только твоя красивая внешность и тело? Так вот, незачем.

И если ты думаешь, что я такая глупая и не понимаю, что любовь – это не только поцелуи и хождение под ручку, то можешь не волноваться, я не совсем дура, чтоб не понимать, чего ждут парни в отношениях и что им нужно. Проблема только в том, что я не могу делать это только из физической нужды.

Вот такая я проблематичная вся, кто-то пишет сам у себя в статусах о том, что нужен парень для телесных утех, это я ещё мягко выразилась, или типа отношений без обязательств, а мне такого не надо, не надо и всё, даже если на самом деле я так же жажду телом любви, но и душой. – Глаза

её вновь заблестели от слёз.

– Зачем ты мучаешь меня? Зачем? – тихо от подступивших слёз прошептала она. – Ведь мне и так тяжело, когда я смотрю на те вещи, что ты мне подарил, я не могу их выбросить, потому что рука не поднимается. Всё это причиняет боль, да, уже не такую сильную, как в первые два месяца после нашего расставания, я их спрятала все, но не выбросила, не могу.

Ты же не любил меня, ты же не можешь любить, а то, что я приняла за любовь, вот эти все вещи, твои слова, это всё было неверно мной истолковано. Поэтому я вновь спрашиваю – зачем всё это? – Подняв голову, она посмотрела прямо в мои глаза. Я видел, как ей больно. Я видел теперь не взгляд взрослой девушки, мудрой и холодной, а взгляд обиженного ребёнка, и сама она уже не казалась такой холодной и неприступной.

Я сглотнул ком в горле. Какой же я болван, отругал я себя. Как я посмел обидеть эту девушку, этого взрослого милого ребёнка, ребёнка, который любил меня и пытался доказать, что праздники – это здорово и что без них жизнь не весёлая, а обыкновенная, серая, что дарить подарки – это классно и приятно, что сам процесс этого уже поднимает настроение.

Я пододвинулся к ней на сидушке, протянул руку к её плечу, дотронувшись до него, и почувствовал, как рука её напугалась.

– Прости меня, – прошептал я. Она отвернула голову. –

Прости, я такой болван, что не понял этого раньше.

– Чего не понял?

– Что ты настоящая, слишком настоящая, чтоб кого-то играть, играть чью-то роль. И все твои слова про то, что на самом деле ты другая, всё это было неправдой, а я мерил тебя по другим, да что скрывать – по себе. Ведь у меня много масок, я был уверен, что так лучше, зачем кому-то видеть меня настоящим, разве люди воспринимают друг друга настоящими?

– Да, у тебя много масок, – согласилась она, но головы не повернула.

– Я не доверял никому и никогда, даже себе.

– Я помню.

– Я и сейчас не могу доверять ни себе, ни кому-либо ещё.

Но я хочу попробовать начать доверять тебе...

– Зачем? – хрипло спросила она.

– Потому что я выбрал тебя.

– А ты спросил меня, выбрала ли я тебя? Хочу ли я тебе доверять? Хочу ли я что-то начинать с тобой сначала? – Она повернула голову, взгляд её глаз был вновь холодным и тёмным.

– Если не хочешь, я не буду больше беспокоить тебя, извини, что вызвал сюда, на этот ветродуй.

Её лицо было непроницаемым, затем черты его смягчились, и она спросила:

– Почему ты поменял своё мнение о собственной самодо-

статочности?

– Потому что понял, что жить в одиночестве – это возможно, но не нужно, не нужно, если ты на самом деле не хочешь быть отшельником. Раньше я хотел, но сейчас уже нет, не потому, что я полюбил этот мир, мир людей, или отказался от мысли уехать из города и стать лесничим, а потому, что я понял, что ты слишком много для меня значишь.

Я не думал, что когда-нибудь стану таким сентиментальным и скажу то, что собираюсь, но мне хочется быть счастливым. Хочется любить так, как описывают в книгах, но всё жё немного иначе. Я не книжный герой, но я человек. И ты права, жить надо каждым днём.

Я не могу сказать, что резко и сильно изменился, моя медлительность в некоторых делах – она всё равно при мне. Но теперь я понял, что ты хотела сказать, говоря о праздниках, что ты хотела донести до меня, даря подарки, которые зачастую не были мне нужны и полезны, которые я принимал скрипя зубами и говоря спасибо так, чтобы не обидеть тебя, а ты верила мне.

– И что же это? – хрипло спросила она, её глаза вновь наполнились слезами.

– Твоё отношение ко мне, – ответил я и посмотрел в её опущенное лицо. Взяв её руку в свои ладони, я попытался сжать её пальцы, но она высвободила её из моих ладоней.

– И что дальше? – спросила она, смотря на меня карамельными глазами. – Что дальше? Ну, понял ты, и дальше что?

– Если хочешь, я уйду из твоей жизни и больше не побеспокою тебя никогда, – ответил я, опуская свою дрожащую руку в карман джинсов. Она молчала, она долго молчала, смотрела на речку, где ветер гонял волны и дрейфующих уток. Затем заговорила:

– Меня интересует ещё один вопрос: почему из всех тех девушек, а точнее тех, с кем ты контактировал, я не говорю в плане постельном, а наших с тобой одноклассниц, тех самых, с которыми ты общаешься после училища, почему ты выбрал меня, чем же они хуже? Одна из них точно подошла бы тебе на роль друга и собеседника, помощника, если тебе нужна была бы помощь, почему я? – Лицо её ничего не выражало, она смотрела на речку. – И, как мне помнится, одну из них ты, говорил, любил... – добавила она.

– Потому что ни одна из них не тронула так сильно струны моих души и сердца. Да. Я отрицал поначалу, да и ещё очень долго, что ты можешь значить для меня что-то большее, чем знакомая. Ведь если рассматривать по твоей логике тех двух, одна и вправду очень похожа на меня в плане характера, мышления и мировоззрения в какой-то степени, но она не испытывает ко мне сильных чувств, так же как и я к ней, того, что подтолкнуло бы нас к более близкому общению, чем переписка в соцсети и беседы на разные темы.

Хотя я и любил её, она меня никогда не любила и не любила бы, я смирился, чего ты сделать никак не могла. Это так, к слову, – добавил я, чтобы не обидеть её. – Другая же

— она похожа на тебя, точнее, была похожа на ту тебя, прежнюю, которую я бы хотел видеть, но она всё равно не ты, да и к ней я сильных чувств никогда не испытывал. Если к той что-то было, я даже думал, что она была бы хорошим другом, хотя друзьями мы стали не такими уж плохими, то к этой девушке сильных эмоций я не питал, да и она не питала также никогда, с ней мы общались по интересам, хотя то же я могу сказать и про ту девушку.

Но ты другое дело, ты совсем другая. Я не хотел признавать, но ты давала мне то, чего я не чувствовал, общаясь с ними.

— Хм, и что же это? — хмыкнула она. — И как же твоя любовь к той девушке? Я признаю, она лучше меня и в плане мозгов, и в плане характера, хоть истерики и психозы не устраивает, это уж точно.

— Тепло, — ответил я. — Мне было очень тепло с тобой, твои ласковые руки, касающиеся моей головы и усыпляющие меня, твои тёплые пальцы, гладящие мою ладонь... Ты думаешь, я ничего не испытывал от твоих прикосновений? Испытывал, боялся, что это полностью завладеет мной, что я не смогу жить без них, потому что они тёплые и искренние, поэтому сопротивлялся тому, чтоб ты трогала меня. — Я замолчал. — А в плане любви к той девушке — я могу любить людей и ценить их как хороших друзей, наверное, та любовь, что вспыхнула во мне к ней, перешла именно на этот уровень, и мне в целом достаточно этого, мне достаточно общения с

ней на умственном уровне, не цепляя душу и тело...

Она молчала, всё так же смотря на реку, на её противоположный берег, где было когда-то поле, но сейчас высилось какое-то здание.

– Не замерзла? Может, пройдемся? – спросил я, прерывая это молчание.

– Немного. Можно и пройтись, – ответила она, вставая с лежанки. Мы двинулись вдоль речки. Она хранила молчание, я не мешал ей думать.

– Хорошо, если мы попробуем начать всё сначала, – начала она, – в каком направлении ты хочешь, чтобы оно развивалось, это общение? Иными словами, что тебе от меня надо?

– А чего ты хочешь?

– Того же, что и пять лет назад.

– Общения?

– Друга.

– Дружбы, значит... – ответил я.

– Да, – ответила она, я молчал. – Ты можешь стать мне другом? Можешь? Или это слишком сложно, не так ли? Ведь мой характер остался при мне, и меняться я больше не могу и не хочу, я и так превратилась уже в тень. Потому что, как бы сильно я тебя тогда ни любила и ни желала быть рядом и в горе и в радости... – Она перевела дыхание. – Всё можно разрушить, искоренить, сломать. Мы это и сделали. Да, может, во мне говорит сейчас обида, боль, злость, ненависть к

тебе. Не чувств, тех, что раньше, я не слышу в себе.

Понимаешь, я ничего не испытала, когда услышала твой голос и твоё предложение встретиться. Я не почувствовала этого неясного порыва и окрылённости, когда выбирала, что надеть, когда шла, а не полубежала к автобусной остановке, когда ехала в метро, когда увидела тебя, ничего. Понимаешь, пусто, глухо, затем пришло всё, что угодно, кроме положительных эмоций. Лишь одна мысль – зачем всё это? Ты хотел, чтоб я ушла, – я ушла, ты попросил о встрече – я пришла. Теперь ты хочешь общения – его не хочу я. Ты хочешь того тепла, что раньше? Его не осталось во мне, я замерзла, умерла, заледенела, стала как все. Хотя исключение есть – всё ещё девственница. – И она фыркнула и усмехнулась, губы её искривились в улыбке, а лицо приобрело заострённые черты, выдавая её внутреннюю борьбу и усталость.

– И не надо, – отозвался я. – Я хочу видеть прежнюю тебя, ту, которая всегда имела своё мнение и никогда не прислушивалась к моим советам, ту, которая всегда смеётся и дарит подарки, ту, которая всегда была не похожа на других. – Я говорил, а она смотрела на меня, в глазах её мелькали разнообразные эмоции от боли, удивления, грусти до гнева и испуга.

– Я не могу вернуть прошлое, да и не в моих привычках сожалеть о чём-то или о ком-либо, но ты говорила, что надо бороться за тех, кто тебе дорог.

– И типа я должна поверить, что стала вот так резко тебе

дорогой и необходимой? – с язвительной ноткой спросила она. – Ты хочешь сказать, что готов начать общение со мной такой, какой я была прежде? – переспросила она. – А прежней меня уже не будет, – печально.

– Так давай вернем её? – спросил я. – Вернём ту тебя вместе.

Она посмотрела на меня глазами взрослой уставшей женщины, а потом остановилась и ещё долго изучала моё лицо. Под её пристальным взглядом мне стало немного некомфортно, но я выдержал этот взгляд.

– Я отрицал, что ты в самом деле то, что мне нужно, тот человек, который взаправду может быть со мной рядом. Я не привык кому-либо доверять и привязываться. Привязанность – это самое плохое в отношениях, – говорил я, а она всё смотрела немигающим взглядом.

– Вопрос в том, сможешь ли ты меня простить и полюбить вновь, – закончил я почти шепотом, не думал я никогда, что буду говорить такие вещи, такие слова и быть не самим собой, а немного другим, даже для себя неизвестным и неясным.

– Хорошо, – сказала она. – Давай попробуем начать общаться. Но готов ли ты стать мне другом? А насчет любви... Не знаю, не верится мне в то, что ты так долго отделивался от меня, а теперь чувства проснулись, – и она приподняла бровь, не сводя с меня своих тяжёлых глаз, которые вновь потемнели.

– Да, – серьёзно ответил я, и, стоя, как два памятника, мы смотрели друг на друга, порыв ветра налетел с реки, обдав нас каплями воды и холода, она поёжилась, а я неожиданно сам для себя развёл руки в стороны, приглашая её в объятия, которые она так любила.

Брови её взметнулись вверх ещё выше в удивлении, а я всё стоял так на ветродуе, затем она неуверенно подошла ко мне и прижалась к моей груди, не поднимая рук, я обнял её и только сейчас понял, как она похудела: её и так выпирающие всегда лопатки теперь вбивались в мои ладони.

Крепко и нежно сжав её в своих руках, я погладил её спину, торчащие лопатки сквозь пальто, а она, расслабившись, молчала. Я скосил глаза вниз, поглядел в её лицо, глаза её были прикрыты, а губы сжаты, вот она тяжело вздохнула и подняла голову, я не выпускал её из своих рук. Она посмотрела в моё лицо.

– Давно мне не было так спокойно, – сказала она. – Что уж отрицать, я тосковала по тебе, как собака по хозяину, как ночь без дня, как сердце без души...

– Мне тоже, – отозвался я. – Я тоже тосковал по тебе... – добавил я, она вновь приникла к моей груди, сжав меня в ответ в объятиях, сказала:

– Эх, Rebane, как много и бездарно мы потратили нервов и времени.

– Это какой язык?

– Эстонский, – подняв голову, улыбнувшись, ответила

она. Я нежно погладил её по голове.

– Пойдём, а то, наверное, ты замёрзла? – спросил я.

– Есть такое, – отозвалась она, отпуская меня, и мы двинулись вдоль по набережной. Мы говорили о том, как мы прожили этот почти год в необщении.

Удивительно, правда, что никогда прежде те люди, с которыми я расставался или которые сами уходили от меня, не были для меня большой утратой, а если они и писали или звонили мне, то для меня это не было ни шоком, ни огорчением. Я отвечал им, мы даже встречались, ну а потом они вновь пропадали в небытии, и я забывал о них, но с ней всё было иначе.

Будто не было этого года, мы говорили как прежде, понимая друг друга, но в то же время эта грань образовалась между нами, и если раньше это остро ощущала она, то теперь эту грань, созданную ею, ощущал я. И ещё не скоро она пустит меня за эту стену, что я начал строить тогда, а она закончила сейчас.

Так мы всё шли, говорили, она была немногословна, в принципе как всегда, хотя нет, ей нужно время, чтобы вновь привыкнуть ко мне, чтобы окончательно простить меня. Хоть она и говорила, что не обижается, но я-то понимал, что я причинил ей много страданий, ведь она девушка ранимая, но скрывает это так искусно, как и все представители её знака. Хотя при чём тут гороскоп?

Все девушки, даже будь они разбитными и горластыми в

душе, желают быть слабыми, ранимыми и плаксивыми, но жизнь такова, что рыцарей нет, принцев нет, да и если ты слабая, беспомощная, тебе не помогут, а наоборот, утопят, сровняют с землей, так что...

Я не могу сказать, что собираюсь жениться на ней, потому что я уже говорил, и не раз, почему нет, но я хочу заботиться о ней, и мне нужно её присутствие, возможно, я эгоист, но она же согласилась попробовать начать общение, значит, не всё так плохо.

Да и притом я бы очень хотел, чтоб она вышла замуж за достойного человека, человека, который бы любил её, ну, она, конечно, тоже, хотя, как я говорил, для меня любовь – это не особо важный фактор в общении...

Но все жё я лгу себе. Если б она не была мне настолько симпатична, то я бы не стал так много думать о ней, анализировать и в итоге не позвонил бы ей и не говорил всё, что говорил сегодня.

Она шла рядом и улыбалась, остановившись, она немного перегнулась через поручень, что отделял нас от воды, и посмотрела на уток.

– Такие лапушки, – вновь умиляясь, сказала она. – А помнишь, по-моему, на третьем курсе, точнее перед ним, летом, в Измайловском уточки умирали, ты ещё хотел в ветеринарку ехать с уткой, в пакет её завернул, но так и не поехали.

– Да, помню, – согласился я. – А потом на втором уроке паразитологии мы узнали, что это была акантамёба, что раз-

множается очень хорошо в стоячей воде при жаркой погоде.

— ...и поражает мозжечок и мозг, — договорила она. — И поэтому они не могли тогда плавать и ходить, да и не крикали, только клювом щёлкали. Жалко их было. А кстати, они вернулись на тот пруд? Бобовый, по-моему? Не знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.